

Министерство просвещения РСФСР

ВОЛГОГРАДСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. А. С. СЕРАФИМОВИЧА

Б. С. АБАЛИХИН

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1812 ГОДА
НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО СПЕЦКУРСУ

ВОЛГОГРАД 1987

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ВОЛГОГРАДСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. А. С. СЕРАФИМОВИЧА

Б. С. АБАЛИХИН

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812 ГОДА

НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО СПЕЦКУРСУ

ВОЛГОГРАД, 1987

Печатается по решению ре-
дакционно-издательского со-
вета ВГПИ им. А. С. Се-
рафимовича.

Абалихин Б. С. Отечественная война 1812 года на Юго-Западе России: Учебное пособие по спецкурсу.— Волгоград: ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1987.— 104 с.

В учебном пособии освещаются подготовка, ход и результаты Отечественной войны 1812 г. на Юго-Западе России, выясняется роль 3-й Западной и Дунайской армий, украинского ополчения и партизанских отрядов в разгроме наполеоновского нашествия, показываются формы боевого содружества русского, украинского и белорусского народов.

Пособие рассчитано на студентов, а также всех, кто интересуется героическим прошлым нашей Родины.

Список лит.— 1.

Научный редактор — д-р ист. наук, проф. *В. Г. Сироткин*.

Рецензенты: кафедра истории СССР Волгоградского государственного университета; *И. В. Бабкин*, д-р. ист. наук, проф. Ивановского государственного университета; кафедра истории СССР Волгоградского педагогического института.

В В Е Д Е Н И Е

В письме И. Вейдемайеру от 12 апреля 1853 г. Ф. Энгельс писал: «Для ближайшего будущего, то есть для нас, русская кампания 1812 г. является самой важной, она единственная, где остаются еще не решенными крупные стратегические вопросы»¹. За годы, прошедшие с момента написания этих слов, положение в изучении истории Отечественной войны изменилось коренным образом. Героической эпопее 1812 г. посвящены тысячи работ, в том числе обобщающие монографии советских историков Е. В. Тарле, Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина. В них освещены многие проблемы. Но все исследования отражают ход борьбы с наполеоновской агрессией на Московском стратегическом направлении. Ни в дооктябрьской, ни в советской историографии события на Юго-Западном театре военных действий специально не изучались.

Такое освещение Отечественной войны 1812 г. обедняет наше представление о ней и не соответствует ее характеру и масштабам. Цель настоящего пособия и заключается в том, чтобы восполнить пробел, имеющийся в литературе темы.

Марксизм-ленинизм учит, что война — сложное общественное явление, охватывающее все стороны жизни страны, которая ее ведет. «Война подвергает нацию испытанию»², — подчеркивал К. Маркс. В. И. Ленин установил связь между внутренней и внешней политикой, указал на важность экономического и морального факторов в войне. Исходя из марксистско-ленинского определения сущности войны, автор ставит задачи осветить основные способы борьбы с наполеоновской армией на Юго-Западе России — военные, экономические, дипломатические и политические. Естественно, что главное внимание уделяется освещению военного аспекта темы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 28, с. 487.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 11, с. 551.

Военные способы борьбы включают действия регулярных войск, ополчений и партизанских отрядов. На территории Юго-Западного края³ и на подступах к нему сражались 3-я Западная и Дунайская армии, 2-й резервный корпус, 13-я дивизия, 70-тысячное украинское казачье и земское ополчение, партизанские армейские и крестьянские отряды. Определить место Киевского направления в планах сторон на разных этапах войны, дать описание военных действий русских вооруженных сил на Юго-Западе России и показать их вклад в разгром наполеоновской армии — такова первая задача пособия.

Вторая задача заключается в том, чтобы определить военно-экономический потенциал Юго-Западного края передвойной и показать его роль в снабжении русских войск в период войны.

Первый удар наполеоновской агрессии приняла на себя дипломатия России. Отсюда вытекает третья задача — показать, как усилиями русской дипломатии были сорваны грандиозные замыслы Наполеона атаковать всю юго-западную границу России.

При освещении политического аспекта темы становится задача выяснить политические планы Наполеона в отношении Украины и Бессарабии, осветить патриотическое движение и формы участия населения Юго-Западного края в Отечественной войне 1812 г.

Решение этих задач позволит полнее показать роль народных масс в разгроме наполеоновского нашествия, сделать ряд уточнений о стратегии Наполеона и русского командования, осветить малоизвестные стороны деятельности М. Б. Барклая-де-Толли, М. И. Кутузова, П. И. Багратиона и других русских военачальников.

Принцип изложения материала в пособии — проблемно-хронологический.

Методологической основой работы служат труды классиков марксизма-ленинизма. В пособии использованы документальные материалы 58 фондов восьми центральных, четырех республиканских и восьми областных архивов и отделов рукописей крупнейших библиотек СССР, а также публикации и литература,

³ Под Юго-Западным краем имеются в виду девять украинских губерний, Тарнопольская область и Бессарабия. В начале XIX в. здесь проживало около 9 млн. человек, преимущественно украинцев.

изданные в нашей стране и за рубежом,— в Австрии, Германии, Польше и Франции. Из отечественных публикаций прежде всего следует выделить 5-томный сборник документов «М. И. Кутузов» и шестой том сборника документов «Внешняя политика России в XIX и начале XX в.»⁴. Из иностранных источников наибольшую ценность представляют такие издания, как 32-томная оперативная переписка Наполеона, 5-томный сборник документов «Война в России 1812 г.», в котором опубликованы журналы боевых действий всех корпусов «Большой армии». Интересные сведения содержат русские и иностранные газеты 1812 г.

Разнообразная источниковая база дает возможность объективно осветить основные вопросы темы.

Глава I

КИЕВСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПЛАНАХ СТОРОН. ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

§ 1. Украина в политических и военно-стратегических планах Наполеона

«Всякая война,— указывал В. И. Ленин,— нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия»⁵. Пришедшая к власти во Франции крупная буржуазия, уничтожив многие демократические завоевания революции, сохранила и упрочила созданный революцией буржуазный строй. Внешняя политика Франции отражала интересы этого класса. Молодая, но алчная французская буржуазия вына-

⁴ Подробное описание литературы см. в конце пособия.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 79.

шивала планы установления своего господства сначала в Европе, а затем и во всем мире.

Исполнителем замыслов правящих кругов Франции стал генерал Наполеон Бонапарт, который в 1799 г. совершил контрреволюционный переворот, а в 1804 г. провозгласил себя императором. В том же году он заявил, что покой в Европе может быть установлен только «с воцарением одного императора, одного главы, у которого под начальством будут короли, главы, который распределит все государства между своими наместниками». Под таким императором Наполеон подразумевал себя. Начался период захватнических войн наполеоновской Франции. На протяжении нескольких лет она завоевала почти все страны Западной Европы, за исключением Испании, Англии и Швеции.

Главным препятствием на пути осуществления своих честолюбивых замыслов Наполеон считал Россию. «Через пять лет я буду господином мира,— говорил он в 1811 г.,— остается одна Россия, но я раздавлю ее». Но, угрожая «раздавить» Россию, Наполеон понимал, что сил одной Франции для этого недостаточно. Поэтому он поставил перед своей дипломатией задачу создать мощный антирусский блок из большинства стран Европы, а также Турции и Персии.

Основные направления дипломатической подготовки к войне с Россией изложил министр иностранных дел Франции Ж. Шампань в своем докладе, представленном Наполеону 4 марта 1810 г. За участие в походе на Россию он рекомендовал императору обещать правящим кругам Турции, Австрии и герцогства Варшавского еще не завоеванные территории Русского государства, в том числе украинские земли: в случае поражения России турецкий султан «расширят границы своей империи до Днестра и, может быть, даже до Днепра», польские магнаты вернут западноукраинские и западнобелорусские земли, а Австрия расширят свою территорию «на севере и в Восточной Венгрии».

Доклад Шампань отвечал реваншистским настроениям польских магнатов, которые неоднократно обращались к Наполеону с просьбой восстановить Польшу, присоединив к ней украинские земли. Так, в 1811 г. они представили ему меморандум, в кото-

ром предлагали начать войну с Россией «мощной диверсией в сторону Киева». По их мнению, такая диверсия «быстро решит исход войны» в пользу Франции. Называя Украину «одной из богатейших земель в мире», авторы меморандума утверждали, что Наполеон там «найдет себе славу не меньшую, чем под пирамидами Египта». В том же году Наполеон принял польскую делегацию во главе с военным министром герцогства Варшавского кн. И. Понятовским, которая настойчиво просила направить на Киев корпус польских войск. Этого, утверждали польские генералы, будет вполне достаточно, потому что, во-первых, русские войска на Юге скованы войной с Турцией; во-вторых, украинское население враждебно относится к царскому правительству и при вступлении французской армии в пределы Украины поднимет восстание.

На основании этих проектов некоторые историки сделали ошибочный вывод о планах французского полководца. Например П. А. Некрасов считает, что Наполеон, «подобно Карлу XII, рассматривал Украину как надежный плацдарм для наступления на сердце России — Москву — с юга». Но у Наполеона не было такого намерения. Напротив, он резко критиковал Карла XII за то, что тот «ринулся» на Украину «бросив подготовленную операционную линию в Белоруссию».

Широкое распространение в исторической литературе получила точка зрения о том, что Наполеон намеревался восстановить Польское государство и присоединить к нему западноукраинские и западнобелорусские земли. Это мнение не соответствует действительности. Во-первых, оно противоречит целям Наполеона. Польский вопрос был для него лишь средством решения основной военно-политической задачи — установления мирового господства. Во-вторых, ни в одном документе Наполеона не зафиксировано его обещание. Он отдавался полунамеками. Оценивая предвоенную внешнюю политику Наполеона, французский посланник в Варшаве Д. де Прадт писал: «Он все сделал, чтобы обмануть Россию. Он хотел также обмануть Австрию, Пруссию, короля Саксонии и одновременно их использовать».

За призрачные посулы Наполеона польские правящие круги предоставили в его распоряжение 83 тыс.

солдат и офицеров. В мае 1812 г. польские генералы снова обратились к нему с просьбой направить их войска на Украину. «Их надежды были обмануты», — констатирует Прадт. Французский полководец разрешил двинуть на Волынь только 8-тысячную дивизию под командованием генерала Косинского, а остальные польские войска включил в состав «Большой армии».

16 ноября 1812 г. русские войска под командованием генерала А. Ф. Ланжерона отбили несколько фургонов с документацией главного штаба французской армии. Среди бумаг была обнаружена карта, на которой Наполеон собственноручно обозначил границы и названия новых княжеств, а также указал, кто будет ими править: Варшавским — саксонский король, Литовским — маршал Л.-Н. Даву, Волынским — кн. И. Понятовский. Комментируя карту, А. Ф. Ланжерон заключил: «Вообще же поляки могли ожидать разделения своего отечества».

Приведенные факты подтверждают вывод К. Маркса о том, что в 1812 г. «поляки сражались не за свою родину, а исключительно в интересах Франции»⁶.

Важную роль в планах Наполеона играла Турция. До февраля 1812 г. французская дипломатия стремилась заставить ее продолжать войну с Россией и добивалась разрешения на проход по турецкой территории 25-тысячного корпуса маршала Мармона, расположенного в Долмации. Этот корпус должен был «нанести удар русским на правом фланге». Никаких территориальных приращений Наполеон в это время султану Махмуду II не обещал.

С февраля 1812 г. Наполеон стал настойчиво добиваться заключения союза с Турцией с тем, чтобы турецкие войска «проникли на севере Дуная в свои старые провинции». В своих депешах Наполеон рекомендовал султану самому возглавить армию, численность которой должна составить не менее 100 тысяч человек, и к 15 мая сосредоточить ее на русско-турецкой границе. Французский полководец изложил такой план совместных действий. Как только «Большая армия» форсировала Неман, турецкие войска при поддержке корпуса Мармона должны овладеть Дунайскими княжествами и вступить в Подольскую гу-

⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 14, М., 1973, с. 453.

бернию. Здесь турецкие войска разделяются: 40 тыс. турецких и 25 тыс. французских солдат двинутся «на соединение в центре России» с наполеоновской армией, а 60-тысячное турецкое войско поведет наступление на Киев. В Одессе и в Крыму Наполеон предлагал высадить десанты французских и турецких войск. Доставку их он возлагал на турецкий военно-морской флот.

В случае успешной реализации этого плана Наполеон обещал возвратить султану Дунайские княжества, Крым и Черноморское побережье или, как он писал, «вернуть все то, что потеряла Оттоманская империя в течение XVIII вв.». В одном из посланий Наполеон даже обещал Махмуду II «расширить его владения до Днепра», т. е. повторил предложение Ж. Шампаньи.

Наполеон был уверен в успехе. «Очередная выгода заставит Порту решиться содействовать мне», — говорил он незадолго до войны. В конце апреля 1812 г. Наполеон направил в Константинополь генерала А. Ф. Андреосси, который должен был «заключить союз с Турцией об общем плане действий».

Таким образом, не веря в возможность заключения русско-турецкого мира, обещая султану «поправить последствия неудачных войн целого столетия», Наполеон планировал двинуть с территории Турции в юго-западные губернии России 125 тыс. войск и произвести десантные операции в районе Одессы и в Крыму.

Своебразно складывались отношения Франции с Австрией⁷. Наполеон использовал австро-польские и австро-русские противоречия. В 1809 г. он «подарил» Александру I Тарнопольскую область, где проживало до 300 тыс. украинцев. В 1810 г. Наполеон женился на дочери австрийского императора Франца I Марии-Луизе. Своему тестю он сулил расширить территорию его монархии. Одновременно он запугивал венский двор своим намерением восстановить Польшу в границах 1772 г., а следовательно, вернуть польским магнатам Восточную Галицию, принадлежащую Австрии. Все это породило у Наполеона уверенность, что Австрия выполнит любое его требование.

⁷ Разделы о франко-австрийских и русско-австрийских отношениях написаны совместно с Н. Б. Крыловой.

5 декабря 1811 г. было подписано франко-австрийское соглашение, по которому Австрия после победы над Россией должна была уступить Восточную Галицию Польше. За это Наполеон обещал присоединить к Австрии Иллирийские провинции и «плодородные земли, лежащие к востоку от Австрийской империи», т. е. подталкивал венский двор к захвату Волыни и Подолии.

На февральских переговорах 1812 г. вопрос о Галиции вновь стал, по словам канцлера России Н. П. Румянцева, «самым важным вопросом». Дело в том, что Франц I категорически отказался передавать ее полякам. Наполеону пришлось уступить. В текст франко-австрийского союзного договора, подписанныго в Париже 2 марта, были внесены по сравнению с соглашением 1811 г. два принципиально важных дополнения: во-первых, создание польского государства откладывалось; во-вторых, Франция «гарантировала Австрии обладание Галицией». В договоре снова говорилось о присоединении к Австрии «лежащих к востоку от нее провинций».

В ходе франко-австрийских переговоров Наполеон требовал, чтобы Австрия выставила 50 тыс. солдат, а при необходимости двинула в Россию все свои вооруженные силы, численность которых превышала 150 тыс. человек. Австрийская делегация твердо держалась инструкции Франца I о выделении только 30-тысячного корпуса. После длительных дебатов Наполеон дал согласие, но требовал сделать в договоре оговорку о том, что такая численность австрийского корпуса должна сохраняться в течение всей войны. Не позднее 15 мая этот корпус должен был сосредоточиться под Львовом «для действия против Волыни и Подолии».

В середине мая 30-тысячный австрийский корпус при 90 орудиях сосредоточился в районе Львова. Во главе его Франц I поставил генерала от кавалерии кн. К. Шварценберга, который несколько лет являлся посланником в Париже и придерживался профранцузской ориентации. 19 мая Шварценберг провел смотр войскам. Их моральное состояние вызвало у него тревогу. В рапорте Францу I он прямо писал, что «война не пользуется большой популярностью», что многие офицеры, в том числе «полковники разных полков», подали в отставку, не желая сражаться про-

тив России. Франко-австрийский союз вызвал недовольство и в других слоях австрийского общества. Русский посланник в Вене Г. О. Штакельберг доносил Н. П. Румянцеву, что «основная часть нации» недовольна заключением этого союза. Упорное сопротивление подготовке к войне с Россией оказывало славянское население. Напуганное поведением западноукраинского населения, правительство Австрии ввело в Галицию дополнительные войска — 30-тысячный корпус под командованием кн. Рейсса.

Свою главную задачу Наполеон видел в том, чтобы разгромить 1-ю и 2-ю Западные армии в приграничных сражениях и принудить Россию капитулировать. «Первым предметом действий кампании» он называл Виленскую операцию. Позже, находясь на острове Святой Елены, Наполеон говорил: «Я полагал, что русские будут обороныть Литву и надеялся выиграть сражение, если они примут его». Для разгрома 1-й армии французский полководец назначил основную массу своих войск.

Киевское направление Наполеон считал второстепенным. Он намеревался овладеть Украиной и Бессарабией силами турецкой армии, корпуса Мармона, польской дивизии Косинского и корпуса Шварценберга, причем последний должен был наступать из Галиции. 9 мая французский полководец писал своему начальнику штаба маршалу Л. А. Бертье: «Австрийцы будут действовать против русских войск, которые находятся на Волыни и Подолии». 25 мая он известил об этом же своего пасынка Е. Богарне.

План Наполеона нарушил Франц I, отдав 20 мая приказ Шварценбергу выступить в герцогство Варшавское и «примкнуть к правому флангу «Большой армии». (Как будет показано, этот приказ Франц I отдал под давлением русского правительства). 29 мая австрийский корпус двинулся в поход. По пути в него влились 904 французских офицера, что свидетельствует о недоверии Наполеона к австрийским войскам.

Перемещение австрийского корпуса в Польшу вынудило Наполеона поставить перед ним новую задачу. В директиве Бертье от 8 июня он приказал австрийским войскам вместе с 20-тысячным саксонским корпусом под командованием генерала Ж. Ренье оборонять герцогство Варшавское, если русские вой-

ска попытаются в него вторгнуться. Если же этого не произойдет, объединенные войска Шварценберга и Ренье должны вступить в Россию через Белосток или Брест. Это было последнее довоенное распоряжение Наполеона по австро-саксонским войскам.

Важное значение Наполеон придавал организации восстаний в тылу русских войск, особенно в западных губерниях России. Ответственность за организацию мятежей он возложил на Прадта. В инструкции от 18 мая 1812 г. Наполеон подчеркнул, что основной силой повстанческих банд должна быть польская шляхта. По его словам, повстанцы «поставят русские войска в то положение, в каком была французская армия в Испании и республиканская во времена Ванден». Наполеон заслал в Россию массу агентов. Помимо подготовки восстания они должны были собирать сведения о русских войсках, уничтожать их базы снабжения, распространять среди населения «прокламации, пасквили и всякого рода зажигательные листки», т. е. вести антирусскую пропаганду.

Передвойной в штаб французской армии поступили десятки шпионских донесений, в которых содержались обнадеживающие сведения о слабости русских войск, расположенных на Украине, о «готовности» населения перейти на сторону Наполеона. Например, агент из Волынской губернии сообщал: «Население на Волыни все охвачено антимосковским настроением, жгут магазины и государственные сооружения в Остроге, Владимире, Бердичеве». «Мощная диверсия в сторону Киева может иметь решающее значение на ход целой кампании,— заявлял другой шпион.— Несколько слов императора к жителям Украины... сделают наилучшее влияние на их поведение». Такие донесения, как и заверения польских магнатов и генералов, породили у Наполеона и его маршалов иллюзии о быстром и легком захвате юго-западных губерний России.

Итак, выполняя социальный заказ французской буржуазии, стремясь заинтересовать в войне с Россией правящие круги герцогства Варшавского, Австрии и Турции, Наполеон поставил цель овладеть Украиной и Бессарабией. Конечным пунктом движения своих войск в этом регионе он наметил Киев. Военные действия в Киевском направлении французский полководец планировал начать атакой всей

русской юго-западной границы силами в 163 тыс. солдат и офицеров. Действия регулярных войск должно было поддержать восстание польских помещиков и шляхты. Одновременно планировалась высадка франко-турецкого военно-морского десанта в Одессе и Крыму.

Этот план был нереален. Во-первых, его реализация во многом зависела от Турции, заключение союза с которой являлось делом весьма проблематичным, т. к. в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг. она была значительно ослаблена. Во-вторых, венский двор вел двойную игру и буквально накануне войны уклонился от вторжения в Волынскую и Подольскую губернии со своей территории. За четыре дня до вторжения французский полководец дал австрийскому корпусу новое боевое задание. В-третьих, Наполеон переоценивал возможности польских магнатов, заверявших его о готовности населения украинских губерний, прежде всего польских помещиков и шляхты, поднять восстание в тылу русских войск и оказать французским войскам существенную поддержку.

§ 2. Внешнеполитические акции русского правительства по обеспечению безопасности юго-западных границ России

Задолго до войны русское правительство получило сведения о военных приготовлениях и планах Наполеона. Так, русский посланник в Саксонии генерал В. В. Ханыков уведомлял 10 февраля 1810 г. о том, что французский император намеревается вести наступление в России по трем стратегическим направлениям — на Петербург, Москву и Киев. Русский посол в Париже А. Б. Куракин неоднократно сообщал, что Наполеон преследует цель низвести Россию «к тому положению, в котором она находилась до... царствования Петра Великого».

Правительство России имело довольно полное представление о конкретных планах Наполеона по созданию антирусской коалиции, в состав которой, в частности, должны были войти герцогство Варшавское, Австрия и Турция. Так, комментируя Венский договор 1809 г., по которому к герцогству Варшавскому отошла Западная Галиция, А. Б. Куракин 21 октября 1809 г. пророчески писал, что оно «смо-

жет в ближайшее время держать под ружьем 80 тыс. отборных войск». Русская зарубежная разведка представила своему правительству копии доклада Ж. Шампанни Наполеону от 4 марта 1810 г., текста франко-австрийского союзного договора от 2 марта 1812 г., информировала о намерении Наполеона привлечь турецкую армию к походу на Россию, о составе и численности войск, выделенных им для наступления в Киевском направлении. В частности, секретный агент России лейтенант прусской армии Фридман в начале июня 1812 г. уведомил М. Б. Барклая-де-Толли о том, что для вторжения в Волынскую и Подольскую губернии Наполеон назначил 30 тыс. австрийцев, 20 тыс. саксонцев и 6 тыс. французов.

Своевременная информация о планах Наполеона дала основание русскому правительству уже в начале 1810 г. считать Киевское направление одним из вероятных направлений вторжения наполеоновской армии. Перед дипломатией была поставлена задача провести ряд внешнеполитических акций, направленных на срыв создания широкой антирусской коалиции, на ограничение помощи французскому императору со стороны сопредельных с Россией стран.

Особое беспокойство у правительства России вызывала обстановка в герцогстве Варшавском. Летом 1810 г. польская армия уже насчитывала 60 тыс. солдат, хотя по условиям Тильзитского мира она не должна была превышать 30 тыс. человек. Наполеон направил в герцогство 200 орудий и 40 тыс. ружей. Польские магнаты и шляхта активизировали свою подрывную деятельность в западных губерниях России. Попытка русского правительства заключить с Наполеоном конвенцию с обязательством никогда не восстанавливать Польшу ни к чему не привела. Французская пропаганда всячески раздувала среди поляков реваншистские настроения, стремилась убедить их в том, что Наполеон станет «воскресителем» их родины.

В правительственные кругах России вынашивались планы привлечения герцогства Варшавского к борьбе против Франции. В середине марта 1810 г. статс-секретарь Александра I М. М. Сперанский представил царю записку «О видах Франции по брачному союзу с Австрией». Подчеркнув, что «из всех неприятелей... самый заботливый, без сомнения, есть в

Польше», он предлагал разработать свой план использования сил и средств поляков для борьбы с на-
полеоновской Францией.

В середине марта 1810 г. Александр I дважды встречался с одним из своих прежних «молодых друзей» князем А. Чарторыйским. Во время второй беседы он прямо спросил его, поддержат ли поляки Россию в случае ее войны с Францией. Чарторыйский дал понять, что план царя нереален. Однако Александр I не отказался от своего намерения привлечь поляков. В своих посланиях Чарторыйскому за 1810—1811 гг. он настойчиво доказывал, что восстановит польское государство, если поляки будут сражаться на стороне России. В письме от 31 января 1811 г. он даже обещал присоединить к Польше все принадлежащие ей ранее земли, кроме Белоруссии, ввести либеральную конституцию, сохранить национальную администрацию.

Идею привлечения Польши к борьбе против Франции поддерживал и М. Б. Барклай-де-Толли. В феврале 1811 г. он представил царю план ведения наступательной войны «между Вислой и Одером», а в донесении от 18 июня того же года рекомендовал Александру I привлечь польских аристократов и шляхту к борьбе против Франции, используя их недовольство обещаниями Наполеона освободить польских крестьян от феодальной зависимости. Предпринимались и другие попытки дискредитировать Наполеона в глазах правящей польской верхушки. Так, Н. П. Румянцев 13 октября 1811 г. предписал В. В. Ханыкову неофициально «довести до сведения некоторых влиятельных подданных герцогства Варшавского», что Наполеон «не помышляет о воссоздании бывшего королевства Польского» и что он готов положить конец своим разногласиям с Россией, «принеся в жертву» интересы поляков. В ответном донесении Ханыков доложил о выполнении задания и высказал убеждение, что сообщенные польским аристократам сведения о двуличной политике Наполеона произведут в герцогстве «сильное впечатление».

Но на деле все было иначе. Несмотря на все усилия, царскому правительству не удалось заручиться поддержкой правящих кругов герцогства. В своем последнем предвоенном послании (от 1 апреля 1812 г.) Александр I прямо писал А. Чарторыйскому: «Ваши

предыдущие письма дали мне слишком малую надежду на возможность успеха, чтобы я имел право действовать».

Провал русского проекта привлечения герцогства Варшавского к борьбе против Наполеона можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, Александр I пытался повлиять на польское общественное мнение лишь через Адама Чарторыйского, который не занимал в герцогстве никакой официальной должности и не пользовался достаточным авторитетом, чтобы успешно выполнить поручение царя. Наполеон проводил свою политику в герцогстве через Потоцкого, Чарторыйского-старшего, Понятовского, Матушевича и других польских деятелей, которые располагали властью, армией, финансами, средствами пропаганды и т. д. На польской территории находились французские войска, готовые подавить любое антинаполеоновское выступление. Во-вторых, царь и его окружение опасались, что восстановление Польши ухудшит международное положение России, в частности, обострит отношения с Австрией, которую русское правительство надеялось оторвать от наполеоновского блока.

Таким образом, русско-польскую границу обезопасить не удалось. Этим и воспользовался во время войны Наполеон, поведя с польской территории наступление на Россию, в том числе и на украинские губернии.

Иначе складывалась обстановка на русско-австрийской и русско-турецкой границах.

Выдающимся успехом русской разведки было то, что она оперативно установила время заключения содержание франко-австрийского договора 2 марта 1812 г. Не позднее 28 марта русское правительство располагало копией договора. От своих агентов Военное министерство России получило точные сведения о составе и численности австрийских войск, сосредоточенных на австро-русской границе. Все это не оставляло сомнения в том, что Австрия готовится к войне с Россией.

С целью обезопасить юго-западную границу правительство решило провести ряд мероприятий. Во-первых, в случае выступления Австрии на стороне Франции Дунайская армия (57,5 тыс. солдат и офицеров и 202 орудия) должна была вторгнуться на

её территорию и поднять на восстание входившие в ее состав славянские народы, а также венгров. Сообщая 7 апреля Барклаю о назначении адмирала П. В. Чичагова на пост главнокомандующего Дунайской армией, Александр I подчеркнул, что его задача заключается в том, чтобы «отразить усилия Австрии против России подкреплением славянских народов и доставлением им возможности соединиться с недовольными венгерцами».

Вторым крупным мероприятием было создание 3-й Западной армии, в задачи которой входила защита украинских губерний.

Третья мера сводилась к тому, чтобы дипломатическим путем ограничить участие Австрии в войне. В депеше от 28 марта Н. П. Румянцев от имени царя дал указание Г. О. Штакельбергу известить Франца о том, что русское правительство возмущено вероломством венского двора. «Доказывайте,— инструктировал канцлер посланника,— что если война разразится, то на этот раз будет решаться вопрос не о границах или территориальных приобретениях, а о независимости целых монархий».

Русско-австрийские секретные переговоры продолжались три с половиной месяца. Они велись в Вене, Петербурге и в Вильно, куда приехал царь накануне войны. Решительные действия правительства России, а также непопулярность франко-австрийского союза в Австрии заставили Франца I сделать ряд уступок: он заверил Александра I, что австрийские войска не нарушают австро-русскую границу, что корпус К. Шварценберга примкнет к правому флангу «Большой армии» и что численность его не превысит 30 тыс. человек.

6 июня генерал П. И. Багратион донес М. Б. Барклаю-де-Толли: «8 дней назад Шварценберг с 30 тыс. войска был на марше в герцогство Варшавское». Это сообщение явилось доказательством выполнения австрийским правительством своих обязательств. Учитывая это, Александр I дал Францу I гарантии целостности и безопасности Австрийской монархии, отметил диверсию Дунайской армии.

Русско-австрийское тайное соглашение было окончательно заключено 16 июля, т. е. более чем через месяц после вторжения французской армии в Россию. Особенностью его было то, что оно не был

оформлено в письменном виде. Монархи двух стран приняли обязательства под «честное слово» — случай, пожалуй, уникальный в дипломатической практике.

— В условиях начавшейся войны заключение устного соглашения с Австрией имело важное политическое и военное значение. Оно обеспечивало безопасность юго-западной границы протяженностью около 400 верст, вынудило Наполеона внести корректиды в свой план вторжения в Россию. Перемещение корпуса Шварценберга в герцогство Варшавское привело к тому, что он позже других наполеоновских войск вступил в Россию. Соглашение ограничило участие Австрии в войне 30 тыс. войск, хотя она располагала армией численностью не менее 150 тыс. человек. Россия сохранила тайные связи с Австрией, что давало возможность оказывать определенное влияние на венский двор.

В условиях надвигавшейся войны с Францией особое значение приобрели русско-турецкие отношения. Весной 1812 г. мирные переговоры с турками, продолжавшиеся более года, зашли в тупик. Александр I и его ближайшее окружение (Н. П. Румянцев, П. В. Чичагов и др.) считали, что Турция, ослабленная шестилетней войной, согласится на любые условия, даже на союз с Россией против Наполеона. Царь требовал от русской делегации, возглавляемой М. И. Кутузовым, добиться присоединения к России всех Дунайских княжеств и установления границы с Турцией по Дунаю. Кутузов назвал эти требования для турок «страшными» и предупреждал правительство, что «ежели разрыв с Францией застанет нас в войне с турками, тогда сии последние будут в необходимости... тесно связаться с французами».

Под влиянием резко обострившейся международной обстановки Александр I в марте 1812 г. уменьшил свои территориальные притязания, определив границу по р. Серет, но настаивал на заключении с Турцией союзного договора. Эту задачу должен был решить П. В. Чичагов.

Заключение союза было нереальным. Как уже говорилось, Наполеон вел активную переписку с турецким султаном, обещая ему в случае участия в войне против России огромные территориальные приращения. Турция затягивала переговоры, надеясь на

скорую войну между Россией и Францией. В апреле 1812 г. М. И. Кутузов подробно информировал об этом Александра I и Н. П. Румянцева. Ни царь, ни канцлер на его донесения не отвечали. Тучи на Западе сгущались. Надвигалась «гроза 12-го года». И Кутузов принял смелое и единственно верное решение — заключить только мирный договор. 5 мая в Бухаресте были подписаны предварительные условия мира. 6 мая в Бухарест приехал П. В. Чичагов, которому, по его словам, «оставалось только быть свидетелем сего счастливого и полезного для нас события». 16 мая договор был утвержден Кутузовым и великим визирем.

Значение Бухарестского мира трудно переоценить. Был сорван план Наполеона двинуть на Украину 100-тысячную турецкую армию, усиленную 25-тысячным французским корпусом. Граница России протяженностью около 600 верст стала неприступной для агрессии. Русское командование получило возможность использовать в борьбе против французского нашествия закаленную в боях Дунайскую армию. К России отошла Бессарабия. Сербия получила автономию.

В нашей литературе подробно освещены ход переговоров и содержание Бухарестского мира, но авторы упускают из виду очень важный момент. Известно, что договор между двумя государствами вступает в силу только после его ратификации. Ни царь, ни султан сразу Бухарестский мир не ратифицировали. На это у них были свои причины. Александр I по-прежнему рассчитывал на союз с Турцией. Его активно поддерживали Н. П. Румянцев и П. В. Чичагов. Отменив вторжение в Австрию, Александр I и Чичагов планировали провести диверсию на побережье Адриатического моря. Без участия Турции ее осуществить было невозможно. Махмуд II требовал изменения статьи договора о предоставлении Сербии автономии и отказывался ратифицировать секретные статьи. С 20 мая русско-турецкие переговоры вступили в новую фазу, продолжавшуюся до 2 июля. Вот этот полный драматизма период отношений с Турцией в литературе не получил отражения.

Стремясь угодить императору, П. В. Чичагов развернул бурную деятельность. В разработанном им проекте русско-турецкого союзного договора преду-

сматривалось, что турецкое правительство даст согласие пропустить русские войска «через Сербию, Боснию, Черногорию и прочие турецкие владения, к Адриатическому морю лежащие», что Турция выставит «вспомогательное войско из сербов, босняков, кротов и других христианских народов».

Султан отказался выполнить эти требования. Видя, что союз с Турцией невозможен, адмирал убеждал царя и канцлера в том, что он сможет силой заставить турок подчиниться. «Я убежден,— писал Чичагов 16 июня Александру I,— что в условиях войны с Портой мы могли бы сделать по меньшей мере столько же, сколько в условиях мира, если не больше». Чичагов принял решение овладеть Константинополем и направить войска в Сербию. 23 июня он приказал генерал-майору О. К. Орурку выступить с 6-тысячным отрядом в Белград. Штаб Дунайской армии разработал план штурма турецкой столицы с моря. 25 июня Чичагов приказал вице-адмиралу Н. Л. Языкову держать Черноморскую эскадру «в такой готовности, чтобы могла тот час выступить». Одновременно Чичагов предпринял попытки создать ополчение из славянских народов без санкции султана.

Приготовления П. В. Чичагова вызвали ответные меры турецкого правительства. Оно начало концентрировать войска на своей восточной границе, вооружать солдат, вернувшихся из русского плена, захватывать сербские крепости, устанавливать контакты с корпусом Мармона. «В газетах гласят мир,— писал в связи с этим подполковник А. Полев,— но турки поступают не как примирившиеся, но как готовящиеся к выдержанию против нас войны великой».

Воинственное настроение Чичагова не на шутку встревожило Александра I. Получив 24 июня донесение адмирала от 16 июня, царь в тот же день направил в Бухарест курьера с приказом «приступить теперь же к обмену ратификацией заключенного договора». «Историю с Константинополем можно будет проделать впоследствии,— успокаивал царь своего фаворита.

Приказ Александра I Чичагов получил 2 июля. В тот же день был произведен обмен ратификационными грамотами. Бухарестский мирный договор вступил в силу. Почти двухмесячная дипломатическая

деятельность Чичагова не дала положительных результатов. Больше, чем добился Кутузов, он достичь не смог. Мало того, своими авантюристическими действиями адмирал поставил Россию на грань новой войны с Турцией, задержал отправку Дунайской армии для борьбы с французами. Его политика давления на Турцию привела к тому, что султан отказался ратифицировать секретные статьи Бухарестского договора, на которые раньше он дал согласие. В отличие от Кутузова Чичагов нереально оценивал сложившуюся в то время международную обстановку, слепо выполнял директивы Александра I.

Подводя итоги внешнеполитической деятельности русского правительства на Юго-Западе, необходимо подчеркнуть, что были достигнуты крупные успехи: обезопасена почти тысячеверстная граница России, нейтрализована Турция, резко сокращена помощь Австро-Венгерской монархии Франции; Наполеон лишился не менее 250 тыс. солдат, на которых рассчитывал.

§ 3. Подготовка к войне на территории Юго-Западного края

Наряду с дипломатической деятельностью царское правительство предприняло ряд мер по укреплению обороноспособности страны. Выдающуюся роль в подготовке России к войне сыграл М. Б. Барклай-дe-Толли. По оценке основоположников научного коммунизма, «он был бесспорно лучший генерал Александра I, непримечательный, настойчивый и полный здравого смысла»⁸. Эти качества Барклай проявил в полной мере на посту военного министра. Им был разработан комплекс оборонительных мероприятий, в том числе на территории Юго-Западного края.

Уже через месяц после назначения на пост военного министра (февраль 1810 г.) Барклай представил царю докладную записку «О защите западных пределов России», в которой намечал превратить Киев в крупный военно-экономический центр, а в Житомире и Мозыре создать военные лагеря, в которых разместить соответственно 50 и 15 тыс. войск. В Волынской, Подольской и Слободско-Украинской (Харьковской) губерниях он предполагал расположить 7 из

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е, зд., т. 14, с. 94.

15 дивизий, сосредоточенных на западной границе. Таким образом, Барклай предусматривал прикрытие Юго-Западного края с запада и севера.

Позднее он развил эти идеи, считая, что Наполеон поведет наступление в первую очередь на Киев и Вильно. «Киев и Вильно будут главными предметами неприятельских военных действий, следовательно, на прикрытие сих двух мест нам должно обратить особенное внимание», — писал Барклай в докладе царю за январь 1811 г. 24 февраля того же года он впервые выразил мысль о разделении будущего театра войны на «две полосы» — северную и южную. Разграничительной линией являлись р. Припять и Припятские болота, которые тянулись на 570 верст. Барклай предполагал создать две армии по 80—90 тыс. солдат каждая и отдельный корпус в 30 тыс. человек. Центр северной армии он предлагал разместить между Вильной и Гродно, отдельный корпус — между Белостоком и Брестом. Центр южной армии должен был находиться у Луцка, ее правое крыло — у Пинска, левое — у Дубно, а авангард — между Ковелем и Ратно. Снова видно стремление Барклая-де-Толли обеспечить безопасность Юго-Западного региона с запада и севера.

19 мая 1811 г. последовал указ Александра I о сформировании 1-й и 2-й Западных армий. 1-я армия под командованием М. Б. Барклая-де-Толли (130 тыс. солдат, 550 орудий) расположилась между Россиенами и Лидой; 2-я армия под командованием П. И. Багратиона (80 тыс. солдат и 270 орудий) дислоцировалась на Волыни и Подолии; ее штаб размещался в Луцке.

Получив сведения о франко-австрийском союзе и о сосредоточении австрийских войск в Галиции и Буковине, правительство приняло в конце марта 1812 г. решение о создании 3-й Западной армии. В начале мая она была сформирована. В нее вошла часть войск 2-й армии, а также резервные батальоны и эскадроны. Новая армия насчитывала около 50 тыс. человек и имела 168 орудий. Ее главнокомандующим был назначен опытный генерал А. П. Тормасов. 2 мая Барклай впервые определил задачи 3-й армии: «1-е. Наблюдение австрийцев, кои собрали значущее число войск в Галиции и Буковине. 2-е. Обеспечить левый фланг и тыл 2-й армии. 3-е. Содержать в порядке

и спокойствии Волынскую и Подольскую губернии». Штаб 3-й армии расположился в г. Дубно, в окрестностях которого дислоцировались основные ее силы. 19 мая Тормасов доложил Барклаю о вступлении в командование армией.

В исторической литературе большое внимание уделяется критике расположения русских армий вдоль западной границы. Но ни в одной работе не говорится о том, что накануне войны русское командование предприняло меры для сближения 2-й армии с 1-й, а 3-й — со 2-й. 8 мая Барклай предписал Багратиону «скоро и в глубокой тайне» передвинуть свою армию в район Пружан и Волковыска. В конце мая 2-я армия (45—50 тыс. солдат и 270 орудий) расположилась в новом районе, решив важные задачи: приблизилась к 1-й армии примерно на 250 верст и прикрыла центральное направление. В начале июня Барклай намеревался переместить 2-ю армию еще ближе к 1-й, но обострившаяся обстановка не позволила выполнить замысел. Все это свидетельствует о том, что русское командование разгадало намерение Наполеона нанести главный удар по 1-й армии. Перемещение 2-й армии было произведено так скрытно и умело, что даже в первый период войны Наполеон считал, что она находится на Волыни.

21 мая П. И. Багратион покинул Луцк. С этого дня вся территория, охранявшаяся ранее 2-й армией, перешла под защиту 3-й армии. Войска А. П. Тормасова прикрыли Киевское стратегическое направление с запада. По своим боевым качествам и вооружению они ни в чем не уступали другим соединениям русской армии. 3-я армия включала три пехотных (генералов С. М. Каменского, Е. И. Маркова и Ф. В. Остен-Сакена) и один кавалерийский (генерала К. О. Ламберта) корпуса.

В конце мая Военное министерство поручило оборону р. Припяти 2-му резервному корпусу под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля. Корпус насчитывал 41,5 тыс. солдат и офицеров, однако к началу войны в Мозырском укрепленном лагере удалось сосредоточить лишь 4 тыс. человек. Остальные части корпуса были рассредоточены в пяти южных губерниях.

Охрану Черноморского побережья и Крыма несла 13-я дивизия, насчитывающая 15,5 тыс. солдат и 44

орудия. Грозную силу представлял Черноморский военно-морской флот, имевший 30 боевых судов и 1500 пушек. Общая численность их личного состава достигла 24 тыс. человек. Дунайская флотилия насчитывала 130 мелких судов, Днепровская флотилия — более 80 судов.

С мая 1810 г. велись работы по усилению Киевской крепости. Ежедневно здесь было занято до 5 тыс. крестьян, горожан и 2,5 тыс. солдат гарнизона. В Житомире и Мозыре были созданы укрепленные лагеря. Значительно укреплены были Севастополь, Херсон, Одесса, Керчь, Кинбурн, Тарнополь, Бендёры, Хотин и Аккерман.

Таким образом, для прикрытия Юго-Западного края с севера, запада и юга русское командование сосредоточило (с учетом Дунайской армии) более 160 тыс. полевых войск при 414 орудиях и более 25 тыс. моряков. Эти силы превышали те войска, которые Наполеон намеревался двинуть в данный регион.

В организации обороны Юго-Западного края были допущены и серьезные промахи. Во-первых, между 2-й и 3-й Западными армиями существовал разрыв в 150 км. Правда, Военное министерство стремилось устранить этот недостаток. 9 июня М. Б. Барклай-де-Толли поставил перед 3-й армией новые задачи: основные ее силы должны были спешно сосредоточиться около Луцка, оставя для «наблюдения австрийской границы» лишь одну пехотную дивизию и «немного конницы». Если противник будет наступать крупными силами на 2-ю армию, а против 3-й армии «мало останется войска», то А. П. Тормасов должен был спешить на помощь Багратиону. При наступлении крупных вражеских сил на 3-ю армию она должна была отходить к Киеву. Выполнить первую часть этой директивы штаб 3-й армии перед войной не успел. Директива показывает, что Барклай знал о заключении тайного соглашения с Австрией.

Вторым недостатком защиты Юго-Западного региона было то, что, уделив главное внимание обороне Припяти, русское командование не укрепило Брест, Кобрин и Пинск. Этим мог воспользоваться противник. П. И. Багратион писал 12 июня 1812 г. Барклай-де-Толли: «Все обстоятельства заставляют меня думать, что неприятель, предпринимая нападение на пределы наши..., без сомнения, будет искать возмож-

ность воспользоваться пространством между мною и генералом от кавалерии Тормасовым, чтобы, ворвавшись у Влодавы или Бреста, ударить в правый фланг 3-й армии и взять в тыл оной». Недостатком русского плана было и то, что основные силы 2-го резервного корпуса находились далеко от закрепленного за ним участка обороны.

Юго-Западный край располагал довольно крупным военно-экономическим потенциалом. Передвойной военные заводы были переоборудованы и расширены. Они резко увеличили производство продукции. Так, Луганский литейный завод начал ежегодно изготавливать в среднем по 240 пушек-мортир и 61 тыс. пудов боеприпасов. Шосткинский пороховой завод увеличил производство в 10 раз и выпускал почти 25 тыс. пудов пороха в год, что составляло треть взрывчатки, изготавляемой в России. Свыше 350 селитроварен выпускали за год 50 тыс. пудов продукции. Киевский арсенал занимался производством и ремонтом огнестрельного и холодного оружия. На 1 января 1812 г. в нем находилось 51302 ружья, 2 тыс. карабинов и мушкетов и 694 пары пистолетов. В год арсенальцы могли отремонтировать до 35 тыс. единиц огнестрельного оружия.

На продовольственных базах и в магазинах, расположенных на территории Украины, хранилось 320 тыс. четвертей⁹ муки, 30,6 тыс. четвертей круп, 422 тыс. четвертей овса и ячменя, что составляло более половины всех государственных запасов России. Дунайская армия, Черноморский флот и 13-я дивизия имели свои продовольственные склады. Украинские губернии поставили армии десятки тысяч строевых лошадей, а также перевозочные средства. Самоотверженный труд населения Украины позволил обеспечить войска всем необходимым для борьбы. Попытки французских агентов уничтожить русские базы полностью провалились. С помощью населения значительное число шпионов было арестовано.

Подведем итоги. Киевское направление фигурировало в стратегических планах обеих сторон. Политические планы Наполеона носили откровенно захватнический характер. Считая Киевское направление

⁹ Четверть — мера объема. Четверть овса — 6 пудов, ячменя — 8 пудов, ржи — 9 пудов, пшеницы — 10 пудов.

вспомогательным, он тем не менее наметил двинуть на Украину 163 тыс. войск. Его замыслы в значительной части были сорваны усилиями русской дипломатии. Реально на Украину могли наступать только 8 тыс. солдат дивизии Косинского.

Русский план предусматривал оборону Юго-Западного края с севера, запада и юга. Военное министерство особое значение придавало организации обороны по Припяти. Это свидетельствует о том, что заранее планировался отход 1-й и 2-й армий в глубь страны. На территории Юго-Западного края находилось более 180 тыс. солдат и матросов, что полностью обеспечивало его безопасность.

Глава II

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КИЕВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

§ I. Особенности начала войны на Юго-Западном театре.

Кобринское сражение и его значение

Наполеоновские войска перешли русскую границу в разных пунктах неодновременно. Отсюда следует, что и войска трех русских армий, расположенных на западной границе, вступили в соприкосновение с противником в разные дни.

Вечером 11 июня в районе Ковно первыми переправились через Неман три роты 13-го французского легкого полка. После небольшой перестрелки они оттеснили от реки казачьи разъезды и тем самым обеспечили наведение мостов. 12 июня 200-тысячная группировка под командованием самого Наполеона начала переправу в районе Ковно. Войска 1-й армии с боями стали отходить на восток. В тот же день корпус Ж.-С. Макдональда (25 тыс. солдат) форсировал Неман в районе Тильзита и завязал бои с

корпусом под командованием П. Х. Витгенштейна. 18 июня русскую границу перешли две группировки: в районе Пилау — 70 тыс. солдат, а в районе Гродно — 65 тыс. Войска 2-й армии без боя начали отходить. Первые стычки с авангардными частями противника здесь произошли 21 июня.

Таким образом, в первые дни войны на сравнительно узком участке (от Гродно до Тильзита) в Россию вступило 365 тыс. вражеских войск. В районе дислокации 3-й армии противник в это время не появился. Австрийский и саксонский корпуса на основании директивы Наполеона от 9 июня охраняли герцогство Варшавское. Французское командование опасалось вторжения на его территорию армии П. И. Багратиона. Сообщая 15 июня своим командирам дивизий о начале войны, К. Шварценберг предупреждал их об этом. «Возможно, даже очень вероятно,— подчеркивал он,— что русские атакуют нас сегодня». Только на пятый день войны Наполеон решил ввести австрийский корпус в Россию и включить его в состав центральной группировки. Это решение было продиктовано как просьбой Франца I, так и ошибочным мнением о слабости русских войск на Волыни.

22 июня австрийский корпус форсировал Западный Буг и овладел Брестом, Кобрином и Яновом. Следом за ним, переправившись у Дрогичина, в Россию вступил и саксонский корпус. В директиве Л. А. Бертье от 30 июня Наполеон следующим образом определил боевые задачи и районы действий этих корпусов: «...Все говорит о том, что неприятель оставит две дивизии на Волыни, необходимо, чтобы генерал Ренье выполнял свою главную задачу — оборону Варшавского герцогства. Принц Шварценберг идет впереди него, чтобы перейти в Несвиж, а затем следовать на Двину». Следовательно, широко распространенное в нашей литературе мнение о том, что с первых дней войны наполеоновские войска повели наступление в Киевском направлении, не соответствует действительности. Необоснованными являются также и обвинения А. П. Тормасова в нерешительности и нежелании помочь Багратиону (Н. Ф. Гарнич). 3-й армии не с кем было вести боевые действия. В этом и заключается одна из особенностей начала войны на Юго-Западном театре.

В начале войны А. П. Тормасов оказался в слож-

ном положении, т. к. длительное время не получал директив верховного командования. О начале войны ему стало известно 14 июня из письма Багратиона, который просил его подвинуть часть своих войск к Ковелю и Кобрину. Но Тормасов сразу не мог выполнить эту просьбу, ибо по приказу Барклая от 9 июня стягивал свои войска к Луцку. 15 июня военный министр подтвердил свое предыдущее распоряжение о движении на Луцк. Как уже говорилось, до войны Барклай предписал Тормасову, в случае наступления превосходящих сил врага на 3-ю армию, отводить ее к Киеву. Но в директиве ничего не говорилось, как должна поступать 3-я армия в случае отхода 1-й и 2-й армий. Узнав об отступлении войск Багратиона и Барклая, Тормасов, естественно, забеспокоился. «Должен ли я буду,— писал он Барклаю,— сообразуясь движению всего правого фланга и центра, иметь с армией своею равным образом направление к Киеву?» Тормасов был готов оказать поддержку 2-й армии, о чем известил Багратиона 16 июня. Но Багратион на его письмо не ответил; т. к. 15 июня получил директиву Барклая об отходе на Минск и приступил к ее осуществлению. Следовательно, в первые дни войны 3-я армия была лишена возможности взаимодействовать с войсками Багратиона.

В конце июня 3-я армия прикрывала все подступы к Волынской и Подольской губерниям. Действия ее соответствовали военно-стратегической обстановке. 28 июня Тормасов доносил Александру I: «...С самого начала движения 2-й Западной армии от Пружан и Волковыска к Новогрудку и далее занял я тотчас все дороги, идущие от Бреста к Луцку, посты, посыпая партии к стороне Кобрина и Бреста». Далее Тормасов отмечал, что вражеские войска «Никаких еще покушений не предпринимают».

В ночь на 3 июля авангард 3-й армии в двух местах форсировал Буг и внезапным ударом овладел польскими местечками Крылов, Грубешов и Цихобуж, захватив 96 пленных. Появление русских войск на польской земле вызвало страшную панику. Прадт пишет, что «за одну минуту» население правобережья Вислы «кинулось на левый берег», «Варшава была охвачена растерянностью». Прадт обратился к Шварценбергу с письмом, в котором умолял его немедленно идти на защиту Варшавы. Сославшись на при-

каз Наполеона следовать в Несвиж, Шварценберг отказал, но пообещал «сделать движение на Пинск». И он направил в Пинск бригаду генерала Мора.

Так начались боевые действия 3-й Западной армии. В письме В. П. Чичагову от 4 июля А. П. Тормасов сообщал: «...Посылаемые от меня партии легкой кавалерии, хотя уже с неприятелем и имели небольшую стычку, но важного ничего не произошло».

В директиве от 1 июля Барклай требовал «наступательно и решительно действовать в тыл и фланг неприятелю». Сообщая, что «со стороны австрийской границы» опасность не угрожает, он все же рекомендовал оставить для охраны Волынской и Подольской губерний и Тарнопольской области «сильный корпус». Директива проясняла обстановку, но не полностью. В частности, остался открытый вопрос, сохраняет ли свою силу приказ об отходе 3-й армии к Киеву. На него Барклай ответил лишь 13 июля: «Доколе положение вашей армии не переменится против нынешнего, то малое число неприятеля, находящегося против вас, не может еще побудить вас к отступлению...»

Директива Барклая от 1 июля поступила в штаб 3-й армии 5 июля. На другой же день отряды под командованием генералов Маркова, Ламберта и Щербатова выступили в поход. 7 июля на Ратно двинулись основные силы 3-й армии. Оперативность, с какой штаб 3-й армии приступил к реализации директивы, показывает, что предварительная работа по подготовке наступательных операций была проведена до ее получения. Часть авангарда армии двигалась по левому берегу Буга, уничтожая склады и разгоняя отряды польских войск. В Отечественной войне 1812 г. это был первый рейд русских войск по вражеской территории. Тормасов поставил перед войсками задачу овладеть Брестом, Кобрином и Пинском, «чтобы показаться сильными партиями в тылу неприятеля».

Охрану Волыни, Подолии и Тарнопольщины А. П. Тормасов возложил на корпус генерал-лейтенанта Ф. В. Остен-Сакена. В случае наступления пре-восходящих сил врага корпус должен был отступать в Киев. На него же возлагалась задача поддерживать связь с Дунайской армией.

В то время как отряды 3-й армии следовали в Гродненскую губернию, Наполеон производил перегруппировку своих войск. В частности, 2 июля авст-

рийский корпус получил приказ идти на Слоним, а саксонцы должны были прикрыть правый фланг «Большой армии». 6—8 июля они сменили австрийские войска в Бресте, Кобрине и Янове. 10 июля Наполеон приказал Ренье, у которого было не более 17 тыс. солдат и 84 орудия, т. к. два полка остались в Польше, вторгнуться в Волынскую губернию и разгромить войска Тормасова. Почему он направил на Волынь такие незначительные силы?

Во-первых, французский полководец считал, что успехи его армии на центральном направлении «повлекут за собой отступление флангов неприятеля». Во-вторых, его штаб располагал явно заниженными сведениями о численности русских войск на Волыни. Так, в письме от 10 июля своему министру иностранных дел Маре (дюку де Бассано), находившемуся в Вильно, Наполеон писал: «Отправьте Ренье все сведения о корпусе Тормасова, в котором, я думаю, не более 9 тыс. человек, и это должно быть, все рекруты». Позже Наполеон определял численность 3-й армии в 20 тыс. человек, но презрительно называл ее «сбродом необученных рекрутов». В-третьих, французское командование по-прежнему рассчитывало на восстание в тылу русских войск. Приказывая Ренье вторгнуться в Волынскую губернию, Наполеон предписывал ему «взять с собой варшавских чиновников и возбудить к восстанию местных обывателей». И, наконец, основную ставку Наполеон делал на турецкие войска и корпус Мармона. «Надо,— предписывал он Маре,— чтобы турки поспешили войти в Молдавию и Валахию и угрожали Крыму движением флота».

Расчеты Наполеона не оправдались. Турция оставалась верной условиям Бухарестского мира. Французским агентам не удалось поднять массовое восстание польской шляхты на Украине. Лишь в Овруче вспыхнул мятеж польских помещиков, но он был быстро подавлен русским отрядом, в состав которого входил и 3-й Бугский казачий полк.

Активно действовали войска 3-й армии. Получив сведения о нахождении в Кобрине саксонской бригады генерала Кленгеля (около 5 тыс. солдат), штаб армии разработал план ее окружения и разгрома. 13 июля авангард армии внезапным ударом овладел Брестом. Отряд генерал-майора Чаплица обошел

Кобрин с северо-востока. К утру 15 июля город был окружен. Развернулось ожесточенное сражение, продолжавшееся 9 часов. Умелые и упорные действия русских войск принудили противника капитулировать. В плен сдались генерал, 66 офицеров, 2234 унтер-офицера и рядовых. «Убито на месте,— доносил Тормасов царю,— более двух тысяч человек». Русские войска захватили 8 орудий, 4 знамени и другие трофеи. Урон русских войск составил 77 убитых и 181 раненый.

Таким образом, вторая особенность начала военных действий на Юго-Западном театре заключалась в том, что 3-я армия вела успешные наступательные операции.

Победа под Кобрином была широко отмечена. Центральные газеты поместили подробную реляцию Тормасова Александру I о ходе и результатах сражения. П. И. Багратион, М. Б. Барклай-де-Толли, А. П. Ермолов и другие военачальники прислали Тормасову поздравления. В них подчеркивалось, что победа под Кобрином одержана в то время, когда на центральном направлении русская армия ведет тяжелые арьергардные бои. По словам Барклая, известие о поражении саксонцев «вселило в сердца воинов бодрость и уверенность в успехе». По приказанию военного министра в 1-й армии был дан салют в честь победителей. 28 июля произвели салют из пушки Петропавловской крепости. Это был первый салют из пяти, данных в Петербурге в честь побед русского оружия за всю Отечественную войну 1812 г.

За мужество и героизм, проявленные в сражении 15 июля, были награждены орденами или повышены в чинах 8 генералов и 135 офицеров. А. П. Тормасов получил орден Георгия I класса и 50 тыс. руб. Знаком Военного ордена были отмечены 207 унтер-офицеров и рядовых.

Гибель саксонской бригады вызвала сильный резонанс в подвластных Наполеону странах и войсках. В письме маршалу Л.-Н. Даву саксонский король не скрывал, что «печальное известие погрузило Саксонию в глубокий траур». «Если так будет продолжаться,— добавлял он,— то у меня скоро не останется войска». По признанию губернатора Кенигсберга французского генерала Луазона, в Пруссии «распространился такой ужас, что остановилось выполнение

всех должностей». Паника охватила австрийскую Галицию. По сообщениям австрийских офицеров службы безопасности, крестьяне пограничных сел вышли встречать русских воинов «с хлебом-солью, а дворяне со страха скрылись в лесах». Но особенно вззволновались польские магнаты. Знать и высшие чиновники выехали из Варшавы в западные воеводства. «С этого момента,— пишет Прадт,— упал общий дух и более уже не воскресал».

В ставку Наполеона известие о поражении саксонских войск поступило 21 июля. По словам маршала Г. Сен-Сира, оно «вызвало беспокойство в войсках и заставило Наполеона остановиться в Витебске». Это, конечно, преувеличение: остановка в Витебске диктовалась более вескими причинами. В то же время нельзя отрицать и влияние итогов Кобринского сражения. Об этом свидетельствуют приказы Наполеона, отданные 21—23 июля. В письме Маре от 21 июля он требовал: «Напишите принцу Шварценбергу, что я подчинил 7-й корпус (Ренье.— Б. А.) его командованию и что мое намерение заключается в том, чтобы он с двумя объединенными корпусами, которые вместе должны насчитывать 40 тыс., двинулся на Тормасова и Каменского, дал им сражение, вторгся в Волынь... и сделал все возможное, чтобы ни тот, ни другой не смогли двинуться на меня». Маршалам К.-П. Виктору и П.-Ф. Ожеро, корпуса которых стояли в Германии, французский полководец приказал выступить: первому — в Польшу и «поддержать правое крыло на Буге», а второму — в Россию. «Возможно, я перенесу в скором времени военные действия на Волынь,— пояснял Наполеон свое решение,— и тогда мне пригодится часть этого корпуса (Виктора.— Б. А.). Первоначально Наполеон намеревался полностью использовать войска Виктора для борьбы с 3-й армией, но затем решил заменить их дивизией Косинского. 17-й польской дивизии под командованием Я.-Г. Домбровского он приказал двинуться «через Мозырь на Волынь».

23 июля Наполеон направил Маре еще одно послание, в котором снова потребовал написать Шварценбергу, чтобы «он шел со всей поспешностью, атаковал и опрокинул Тормасова и Каменского и внес военные действия на Волынь». Наполеон по-прежнему невысоко оценивал боеспособность 3-й армии, но

теперь советовал действовать осмотрительно. Он приказал «предпринять» все возможное, чтобы «уточнить количество русских дивизий на Волыни» и создать в Несвиже «резерв в 7—8 тыс. человек для подкрепления объединенных сил Ренье и Шварценберга». В конце письма Наполеон выражал уверенность в том, что «Шварценберг быстро внесет военные действия на Волынь».

Таким образом, наступательные операции 3-й армии, особенно разгром бригады Кленгеля, заставили Наполеона внести существенные корректировки в свой оперативный план: увеличить численность войск, ведущих наступление на Украину до 60 тыс. человек, вызвать в Россию резервные корпуса Виктора и Ожеро, выделить войска для наступления на Украину с севера, принять меры для нейтрализации русских войск, находившихся в Мозыре и Бобруйске. Поражение под Кобрином вызвало сильный резонанс в подвластных странах.

Таковы политические и военные последствия Кобринского сражения, этого в сущности небольшого события Отечественной войны 1812 г.

§ 2. Провал попыток Наполеона овладеть Киевом

Правительство и общественность России считали, что после победы под Кобрином 3-я армия разовьет успех, создаст угрозу для тыла французской армии и тем самым заставит Наполеона прекратить преследование 1-й и 2-й армий. С действиями войск А. П. Тормасова связывались далеко идущие планы. В реескрипте Барклаю от 30 июля Александр I писал: «Присланное от вас донесение генерала Тормасова возвещает не только о ~~з~~аменитой самой по себе победе, но еще более важной потому, что генерал сей действует теперь во фланг и в тыл неприятелю. Толь благополучные начала служат предверием и подают твердую надежду на счастливое окончание нынешней кампании». Насколько широко было распространено такое мнение в Петербурге, свидетельствует письмо сенатора И. М. Лонгинова бывшему послу в Лондоне гр. С. Р. Воронцову от 27 июля: «Дело Тормасова под Кобрином — одно из блестящих. Если он будет также успешно продолжать, то, возможно, что окажется в тылу Великой армии великого человека. и

великой нации, которых и низведет с их хвастливо-го величия. Надеются, что генералу Ренье не уйти от Тормасова, что даст хороший оборот нашим делам и приведет к победе». Таким образом, правительственные круги видели в действиях 3-й армии начало изменения стратегической обстановки в пользу России.

Основания для таких оптимистических прогнозов не существовало. Преимущество, полученное 3-й армией, было незначительным и временным. Как было показано, Наполеон сразу понял опасность выхода 3-й армии на его коммуникации и принял меры к укреплению тыла и флангов. В таких условиях тактический успех, достигнутый 3-й армией, невозможно было развить в успехи стратегического масштаба.

Получив сообщение о поражении саксонского корпуса, К. Шварценберг принял решение оказать ему поддержку. 22 июля оба корпуса объединились в Слониме. На совместном военном совете Ренье и Шварценберг решили атаковать 3-ю армию и вторгнуться в Волынскую губернию.

Отдельные отряды 3-й армии в это время овладели Пинском, Пружанами и даже Белостоком, перерезав на время коммуникации австро-саксонских войск. Но оказать существенную помощь 1-й и 2-й армиям 3-я армия не смогла. 23 июля австро-саксонские войска перешли в наступление. Опасаясь разгрома своих немногочисленных отрядов, А. П. Тормасов приказал им отходить к местечку Городечне, куда отвел основные свои силы. 30 июля здесь сосредоточилось 18 тыс. русских войск.

Позиция под Городечной для обороны была удобной. С фронта ее прикрывала болотистая речушка, а справа — непроходимые болота. Левый фланг упирался в лес, который также считался непроходимым. Штаб 3-й армии передоверил местным жителям и картам и в ходе сражения чуть было не поплатился за это: лес оказался преодолимым не только для пехоты, но и артиллерии.

Вечером 30 июля к месту сражения подошли австро-саксонские войска, насчитывавшие в общей сложности 38 тыс. солдат и офицеров. Противник более чем вдвое превосходил русские войска, но у русского командования было больше артиллерии и кавалерии. Обнаружив тропинку в неприкрытом рус-

скими войсками лесу, Ренье и Шварценберг приняли такой план действий: ложными атаками с фронта австрийцы должны отвлечь внимание русского командования, а саксонцы, усиленные двумя австрийскими бригадами, нанесут удар по левому флангу и зайдут в тыл 3-й армии.

Но этот план не удался. Рано утром 31 июля русская разведка установила движение саксонцев, которые, проложив за ночь дорогу в лесу, следовали вместе с артиллерией. На левом крыле русской позиции развернулось ожесточенное сражение. Тормасов перебросил сюда крупные силы. Несколько раз саксонцы бросались в штыковую атаку, но под плотным ружейно-артиллерийским огнем были вынуждены отходить. Неудачу потерпели и фронтальные атаки австрийских войск. Русские войска стойкодерживали позиции, проявляли высокое воинское мастерство. В 10 часов вечера сражение прекратилось. Противник отошел на исходные позиции. Австро-саксонские войска потеряли убитыми, ранеными и пленными 2,6 тыс. человек, русская армия — 1322 человека. Следовательно, вражеские войска не только не разгромили 3-ю армию, как требовал Наполеон, но потерпели урон, в два раза больший, чем русские войска.

За боевые подвиги, проявленные в сражении, различными видами наград (золотое оружие, ордена, благодарность, повышение в чине) были отмечены 379 генералов и офицеров. Знаком отличия Военного ордена были награждены 223 унтер-офицера и рядовых. Награды свидетельствуют о том, что в сражении под Городечной, как и под Кобрином, войска 3-й армии проявили массовый героизм.

Несмотря на достигнутый успех, А. П. Тормасов отдал приказ об отходе. В ночь на 1 августа его войска скрытно покинули позиции и двинулись к Кобрину. В рапорте М. Б. Барклаю-де-Толли от 7 августа Тормасов мотивировал свое решение численным превосходством противника, нехваткой провианта, действиями польских банд в Гродненской губернии и стремлением сблизиться с Дунайской армией, которая следовала на Волынь. Однако первоначально Тормасов не собирался уступать противнику часть Волынской губернии. К этому его принудили активные действия противника.

Обозленные неудачей под Городечной, вражеские войска настойчиво преследовали 3-ю армию. С 1 по 15 августа она провела не менее 13 крупных боев и вела непрерывные стычки с наседавшим противником. Умело используя лесисто-болотистую местность, русские войска наносили врагу жестокий урон. Бои шли за каждый населенный пункт, за каждый мост, за каждую плотину. Все попытки Ренье и Шварценберга разгромить 3-ю армию ни к чему не привели.

11 августа А. П. Тормасов узнал о том, что усиленная дивизия Косинского (12 тыс. солдат и 8 пушек), форсировав Западный Буг, овладела Любомлем и стала угрожать тылу его армии. Напряженная обстановка сложилась также на северной границе Волынской и Киевской губерний. Бригада Мора снова овладела Пинском и двинулась на Давид-Городок и Туров. 17-я польская дивизия осадила Бобруйскую крепость, а отдельные ее части вплотную подошли к Черниговской губернии. 13 августа Тормасов приказал отходить за р. Стырь. «Все устремление неприятеля состоит в том,— доносил он в тот же день Александру I,— чтобы обойти левый фланг и взять в тыл армии, мне вверенной. Вопреки сим движениям, сосредотачиваю я все мои силы за р. Стыром при Луцке».

Искусно маневрируя, 3-я армия оторвалась от противника и 17 августа благополучно форсировала реку. За время арьергардных боев она вывела из строя около 11 тыс. вражеских солдат и офицеров. В рапорте Наполеону от 17 августа Шварценберг объяснял такие высокие потери своих войск тем, что им «пришлось штурмом овладеть плотинами и гатями, которые представляют собой единственно возможный путь через болота... и создают благоприятные условия для того, чтобы малочисленными частями остановить гораздо большие силы».

В том же рапорте Шварценберг предложил такой план наступления на Украину. Австро-саксонские войска должны быть усилены корпусом маршала Виктора. «Это позволило бы нам,— подчеркивал австрийский генерал,— обрушиться на врага и сокрушить его». Вторым условием успешных действий он считал наступление на Украину из Белоруссии. «Если мы хотим обеспечить победу,— писал Шварцен-

берг,— наилучший способ добиться успеха заключается в следующем: один армейский корпус должен спуститься по Днепру до Киева, который является главным опорным пунктом военных сил на Волыни». Следовательно, Шварценберг предлагал вести концентрическое наступление на Киев крупными силами.

К аналогичному решению пришел в то время и Наполеон. Вторжение австро-саксонско-польских войск на Волынь его очень обрадовало. «Сообщение об успехе, который одержал над русскими принц Шварценберг,— пишет адъютант Наполеона А. де Коленкур,— оживило надежды императора». Французский полководец выделил 500 тыс. франков для награждения австрийских солдат и офицеров. По его ходатайству Франц I присвоил Шварценбергу чин генерал-фельдмаршала.

В Смоленске к Наполеону явилась делегация польских генералов во главе с И. Понятовским и умоляла его повернуть главные силы на Киев. Когда Наполеон отказал, И. Понятовский, по свидетельству присутствовавшего на аудиенции генерала Сокольницкого, «купал на колени и просил дать ему 100 тыс. войска, с каким он хотел занять Украину». Но и это предложение было отклонено.

Оперативная переписка Наполеона за 12—14 августа дает возможность проследить дальнейшую эволюцию его стратегических замыслов ведения военных действий на Юго-Западном театре. Эти замыслы были тесно связаны с общим планом войны. Главную цель Наполеон по-прежнему видел в разгроме 1-й и 2-й русских армий. Поэтому он так настойчиво их преследовал. В то же время французский полководец опасался, что русские войска, наступая с севера и юга, могут перерезать его коммуникации. Впервые такое опасение он выразил в письме Маре 12 августа: «Вполне возможно, что Витгенштайн и Тормасов удвоят свои усилия и что, вследствие этого, наши коммуникации на некоторое время будут перерезаны».

В директиве К. Шварценбергу от 12 августа Наполеон поставил перед ним такие задачи: «Сильнее преследуйте Тормасова... Ему посыпают подкрепления с берегов Дуная, но, говорят, что они от него еще далеко. У вас будет достаточно времени, чтобы всту-

пить в Киев и Калугу, пока мы будем двигаться на Москву. Но особенно следите за тем, чтобы русские, которые находятся перед вами, не направились бы против меня». От Франца I Наполеон потребовал восполнить потери австрийского корпуса и довести его численность до 30 тыс. человек, как это предусматривалось франко-австрийским союзным договором.

Отклонив предложение Понятовского, французский полководец не отказался от мысли использовать польские войска для наступления на Украину. По его заданию в Литве и Белоруссии формировалось шляхетское ополчение численностью около 30 тыс. человек. При поддержке дивизии Домбровского (11 тыс. солдат и 24 орудия) оно должно было наступать на Украину. Трем полкам из корпуса Даву Наполеон приказал «пробиваться на Киев» из Смоленской губернии.

Таким образом, в середине августа Наполеон поставил перед своей правофланговой группировкой задание овладеть Украиной, ведя наступление одновременно на западе и на севере. В общей сложности эти войска насчитывали 90 тыс. человек и имели 204 орудия. Однако и этот план Наполеона потерпел провал.

Русское командование усилило оборону Украины. В Мозырь поспешно стягивались части 2-го резервного корпуса. В середине августа здесь находилось до 18 тыс. воинов. Они остановили продвижение бригады Мора и прикрыли Киевскую губернию. Гарнизон Бобруйской крепости (5,5 тыс. солдат и офицеров) успешно отражал атаки 17-й польской дивизии. Вместо того чтобы наступать на Украину, дивизия Домбровского оказалась скованной под Бобруйском.

Приближение противника к украинским губерниям вызвало подъем народа. На борьбу с французскими отрядами, которые пытались просочиться в Черниговскую губернию, поднялись крестьяне и ремесленники Мглинского, Суражского, Черниговского и других пограничных районов. По своей инициативе население создавало дружины самообороны в 100—150 человек, вооруженных вилами, косами, топорами, охотничими ружьями. Между селами была налажена конная связь или звуковая сигнализация. При появлении французских захватчиков вооружен-

ные жители собирались по установленному сигналу и вступали в бой. Народные дружины действовали успешно. Так, вражеские отряды двинувшиеся на Стадоруб и Новозыбков, были вынуждены отступить, бросив 600 подвод с награбленным продовольствием.

Местные власти решили использовать народную инициативу и подчинить себе дружины самообороны. Сообщая генерал-лейтенанту Ф. Ф. Эртелю с взятием врагом Чечерска, генерал-губернатор Малороссии Я. И. Лобанов-Ростовский писал 2 августа: «...Предписал я пограничным селениям поветов (уездов. — Б. А.), прилегающих к Могилевской губернии, вооружиться поголовно всякой дреколью; казакам же, в сотнях уже сформированных, быть на самой границе». В тот же день генерал-губернатор разослал циркулярное распоряжение, в котором обязывал предводителей дворянств северных поветов Черниговской губернии немедленно выслать к могилевской губернии вооруженные команды для поддержки «тех поселян, кои на границе живут и коим тогда (при появлении врага.— Б. А.) подлежит выйти поголовно и тем устраниТЬ маловажные конные и пешие шайки, кои бывают, как говорят, от двух до трех сот человек». На северную границу Украины спешно направлялись наскоро сформированные отряды казаков и ратников.

Из народных дружин и прибывающих ополченцев местные власти решили создать «кордонную цепь». По словам Лобанова-Ростовского, она нужна была; «дабы оградить себя, как не от самой злодейской армии, то, по крайней мере, от разбойниччьих нападений и конфедератов (польской шляхты.— Б. А.), наиличе собираемых в Чериковском, Климо-вицком, Чаусовском и Мстиславском поветах, поелику и за невыпуск из Малороссии продуктов...» П. И. Багратион в письме Я. И. Лобанову-Ростовскому от 6 августа одобрил идею создания заградительной линии вдоль северной границы Украины, а Эртелю приказал выделить 10 батальонов для ее усиления.

Героическая оборона народных дружин задержала продвижение наполеоновских войск в глубь Украины и позволила создать «кордонную цепь». Она начиналась в с. Осадчины Остерского повета и доходила до с. Клюсов Городницкого повета. Протяжен-

ность ее превышала 700 км. К концу августа на охране Черниговской губернии находилось до 20 тыс. ополченцев. В их распоряжении имелось 166 лодок, на которых они патрулировали по Днепру и Сожу. По мере готовности сюда прибывали все новые и новые ополченские части. Все попытки противника проникнуть в украинские губернии быстро ликвидировались совместными ударами частей корпуса Эртеля и местного ополчения. «Кордонная цепь» надежно прикрыла северную границу Украины.

Наступление противника с севера вынудило усилить гарнизон Киевской крепости (2,5 тыс. солдат) 4-м Полтавским казачьим полком и шестью регулярными батальонами 3-й армии. Для несения караульной службы в городе и его окрестностях был сформирован отдельный конный полк (1000 человек), подчиненный магистрату. Оборонительные работы, начатые еще до войны, с 1 июля возобновились и приобрели широкий размах: возводились редуты, форты и батареи, строились и ремонтировались казармы, предназначенные для 3-й армии. Чтобы обеспечить бесперебойную связь между обоими берегами Днепра, началось строительство наплавного моста. На сооружении укреплений и моста ежедневно работало около 12 тыс. жителей города и крестьян Киевской и Черниговской губерний. На дальних подступах к Киеву, с северного направления, 700 землекопов возводили полевые укрепления. Благодаря самоотверженному труду населения и солдат гарнизона подготовка Киева к обороне была проведена в кратчайший срок.

3-я Западная армия занимала прочную позицию на восточном берегу Стыри. На нем были возведены полевые укрепления и батареи. Небольшие русские отряды почти ежедневно совершали налеты на вражеские войска, препятствовали им наводить переправы и проводить рекогносцировку.

17 августа русскую армию возглавил М. И. Кутузов. Обстановка на Московском направлении оставалась крайне тяжелой. Все помыслы главнокомандующего были заняты решением главной задачи — остановить и разгромить наполеоновскую армию, рвавшуюся к Москве. В письмах Тормасову и Чичагову от 14 августа он подчеркнул, что «теперь не время думать об отдаленных экспедициях», а не-

обходило все силы направить «к действиям на правый фланг стремящегося неприятеля», т. е. Кутузов отменял приказы Александра I о наступлении 3-й армии в тыл Наполеона и о диверсии Дунайской армии на Адриатическое побережье. Об этом он четко писал 20 августа: А. П. Тормасов должен был присоединить к себе корпуса Ф. Ф. Эртеля и Ф. В. Сакена и «итти с ними вместе действовать на правый фланг неприятеля». На войска П. В. Чичагова Кутузов возложил задачу обороны Украины. Приказ главнокомандующего Тормасов получил 30 августа. Он стал деятельно готовиться к походу «через Мозырь, Бобруйск к Мстиславлю».

В начале сентября на Волынь прибыли Дунайская армия и 13-я дивизия под командованием генерал-майора Э. Ришелье. Это значительно усилило русскую левофланговую группировку. Накануне перехода в контрнаступление она насчитывала 98 843 солдата и офицера и располагала 402 орудиями, т. е. по численности в два раза превосходила противостоящие ей вражеские войска. В этом заключалась главная причина того, что Шварценберг не рискнул наступать в глубь Украины.

В срыве планов Наполеона важную роль сыграло сопротивление населения захваченных поветов Волынской губернии. Оно велось в разнообразных формах. Крестьяне отказывались выполнять поставки для войск, прятали или уничтожали продовольствие и фураж. Наполеоновским генералам приходилось посыпать на фуражировку крупные отряды, которые жестоко расправлялись с мирными жителями. Так, генералу Цехмейстеру удалось собрать 27 подвод провианта и фуража только после того, как по его приказу были расстреляны 12 крестьян.

Оккупанты грабили местное население, издевались над ним. Житель Волынской губернии рассказывал: «Постой и подводы замучили... Куры, гуси, овцы, а часом волы и коровы забирались без спросу. Но особенно сильно злодействовали саксонцы. Они отнимали у людей скот и резали его; если чего нельзя было брать с собой, то портили; ...людей били». Наполеоновских захватчиков поддерживали многие польские помещики. Волынский епископ Даниил в своем представлении Синоду подчеркнул, что «они не только предались на сторону неприятелей и

участвовали с ними в грабежах и разорениях, но превзошли даже их в жестокости». За время оккупации Волынской губернии интервенты разграбили и уничтожили имущества на 2,5 млн. руб.

В ответ на зверства и притеснения захватчиков и их пособников — польских помещиков жители Волыни развернули партизанскую войну. Яркую характеристику положения в Волынской губернии дал А. П. Тормасов. В письме от 27 августа он сообщал М. Б. Барклаю-де-Толли. «Край сей переходом австрийских и саксонских войск совершенно разграблен, все пусто, жители... скрылись в лесах и болотах, где находясь, нападают на транспорты и партии, схватывают курьеров, а на полях хлеб остается несжатым». Даже австрийские офицеры вынуждены были признать, что жители Волыни выступили против австрийских войск, как «против врага, который угрожает их существованию».

Партизанское движение нанесло захватчикам ощущимый урон. Партизанами было убито и ранено несколько тысяч вражеских солдат и офицеров, уничтожено много обозов с продовольствием и фуражом. Крестьяне громили дворянские имения, убивали ненавистных помещиков. Так, они уничтожили помещика Целецкого, который, «развлекаясь», впряжен в карету крестьян и катался на них.

Посылая дивизию Косинского на Волынь, Маре писал ему, что там он «удвоит свои силы». Эти надежды не оправдались. Не увенчалась успехом и попытка завербовать на Волыни агентов. По словам Д. де Прадта, Шварценберг «не сумел найти верных разведчиков, хотя не жалел для этого денег». Ни зверства, ни подкуп не сломили волынцев. Не склонный к сантиментам П. В. Чичагов был поражен их стойкостью и мужеством. «Честь и слава верности вашей!» — воскликнул адмирал в прокламации, посвященной освобождению Волыни.

Таким образом, наполеоновское командование, рассчитывавшее найти на Украине, особенно в ее юго-западных губерниях, лояльное отношение и поддержку, просчиталось. Население Волыни, как и весь украинский народ, активно включилось в борьбу против наполеоновской армии. Национально-освободительная борьба тесно переплеталась с антифеодальным движением.

§ 3. Патриотическое движение на Украине. Формирование ополчений

Известие о вторжении французов в Россию вызвало на Украине мощное патриотическое движение. Народные массы ничего не жалели для борьбы с интервентами: жертвовали деньги и имущество, снабжали армию продовольствием, фуражом и транспортными средствами. Изменилось отношение к рекрутской повинности. Немецкий поэт и ученый Эрнст Мориц Арндт, который летом 1812 г. побывал на Украине, отмечал, что рекрутчики шли на сборные пункты с песнями. В 1812 г. украинские губернии выставили около 50 тыс. рекрутов. Ратники распущенных по решению правительства ополчений требовали отправки их в действующую армию. «Старые не уступали в рвении и храбости молодым: все спешили сесть на коня и лететь на поражение неприятеля», — сообщала листовка Главного штаба от 4 ноября о патриотическом движении на Украине.

О патриотических чувствах украинцев свидетельствуют многочисленные заявления добровольцев. Студент Харьковского университета Сиробаба-Яковлев в своем заявлении о приеме его в 3-й Полтавский казачий полк писал: «Долг и обязанность и самый глас природы внушают всякому любовь к отечеству. Я также сын России, также люблю мое отечество...» Студент Курасовский обратился к М. И. Кутузову с просьбой принять его в армию. Штаб-лекарь Богуславского уезда Ф. Тумашевский просил принять в ополчение его вместе с семнадцатилетним сыном. На Черниговщине в казачий полки добровольцами записалось более 100 юношей, из Подольской губернии в 3-ю армию поступили 53 учащихся. Из именного списка, составленного Киевской ремесленной управой, видно, что в Киевское ополчение вступили 42 человека, в основном это были малосемейные люди 20—36 лет. Врач И. А. Воронкевич организовал в с. Добрянке госпиталь, в котором лечил раненых и больных ополченцев. Поэт И. А. Кованько, находясь в действующей армии, написал ряд патриотических произведений. Особенно популярным среди солдат стало его стихотворение «Хоть Москва в руках французов».

Партизанское движение на Волыни, действия дружин самообороны на Черниговщине и другие

факты свидетельствуют о том, что население Украины, как и других прифронтовых районов России, активно включилось в национально-освободительную борьбу с наполеоновской армией. Формы участия украинского народа в Отечественной войне 1812 г. были разнообразны. Наиболее массовой и активной формой являлось народное ополчение.

Ополчение 1812 г. не было первым ополчением в истории Украины. И раньше в особо важных случаях объявлялся набор ратников. В последний раз украинская милиция (так называлось ополчение) была создана по манифесту от 30 ноября 1806 г. во время войны России с наполеоновской Францией. Но тогда идея ополчения не была популярной в народе. Массы не понимали целей войны и смотрели на милицию как на новую тяжелую повинность. Крестьяне всячески уклонялись от службы, дезертировали из полков. Имели место открытые выступления ополченцев. Так, в 1808 г. вспыхнуло восстание в 3-й бригаде киевской милиции. Его причиной послужило распоряжение о переводе ратников в рекруты. Восстание было жестоко подавлено регулярными войсками.

По-другому встретил украинский народ известие о создании ополчения в 1812 г. Теперь цель войны была ясна: защита своей земли от иноземных захватчиков. И те же крестьяне, которые недавно считали службу в милиции величайшим несчастием, теперь с воодушевлением массами вступали в ополчение. «Жены сами выпроваживали мужей своих на войну, мать, сдерживая слезы, благословляла сына на защиту отечества, старик, забыв свои седины, становился в ряды вместе с молодым внуком», — так описывал этот патриотический порыв писатель Е. П. Гребенка, отец которого добровольно вступил в казачий полк и прошел с ним всю войну.

На Украине, как и в центральных губерниях России, формирование ополчения происходило на крепостнической основе. Все дело организации, вооружения, обмундирования и снабжения находилось в руках помещиков. Губернские дворянские собрания утверждали так называемые раскладки, в которых определялось количество ратников и казаков для каждого повета.

Украинское ополчение было двух видов: казачье

и земское. Формирование четырех конных казачьих полков в Киевской и Подольской губерниях началось до выхода манифеста 6 июля 1812 г. о создании ополчения и даже до начала войны. Вторжение французов в Россию ускорило комплектование полков. Так, на 30 июля во 2-й полк, формировавшийся в Белой Церкви, были приняты 851 казак и 494 лошади. В целом же формирование Украинского казачьего войска, по словам его командира полковника И. О. Витте, было произведено в течение 40 дней. Оно насчитывало 4772 рядовых казака.

В начале июля на имя Я. И. Лобанов-Ростовского поступил рескрипт Александра I о формировании казачьих полков в Черниговской и Полтавской губерниях. «Сие формирование,— говорилось в нем,— может заменить Малороссии обыкновенный рекрутский набор, в прочих губерниях к осени приготовляемый». Чтобы привлечь крестьян, генерал-губернатор объявил, что «тем снаряжением избавляются они не токмо первого рекрутского набора, но по миновании в тех полках надобности, все они распустятся в домы свои, но навсегда останутся принадлежащими Украинскому войску...» Таким образом, вступившим в ополчение обещалось возвращение казацких прав, ликвидированных царским манифестом от 3 мая 1783 г.

Большое внимание формированию казачьих полков в Черниговской и Полтавской губерниях уделял П. И. Багратион. В поданной царю докладной записке «Виды на сформирование в Малороссии казачьих легко-конных полков» он предлагал возродить украинское казачье войско. Багратион считал, что Полтавщина и Черниговщина могут «без отягощения» выставить 10 полков по 1000 «совершенно способных к службе» казаков в возрасте 20—40 лет. В действительности же в этих двух губерниях за месяц с небольшим было сформировано 15 полков общей численностью 18 тыс. казаков.

Конные казачьи полки состояли из двух батальонов по четыре эскадрона в каждом. Эскадрон насчитывал 150 боцов. Каждый казак снабжался за счет общества экипированной верховой лошадью, холодным оружием и одеждой установленного образца. Общества же выплачивали жалованье и снабжали полки продовольствием и фуражом.

Бугское войско, находившееся на территории Украины и состоявшее в основном из украинцев, по своей инициативе выставило три конных казачьих полка. Дворянский историк А. Скальковский писал: «В 1812 г. бугское казачество, несмотря на исключение края из ополчения, добровольно за свой счет снарядило казацкую дружины в 500 человек и прошло только оружия, чтобы подготовить еще 500 человек». Советские историки Н. Ф. Гарнич, А. В. Иваншин и другие также упоминают только об одном полке — 1-м Бугском, который сражался в партизанском отряде Д. В. Давыдова. Однако, как свидетельствуют архивные документы, в Отечественной войне 1812 г. участвовали три бугских казачьих полка. Следовательно, всего Украина выставила 22 конных казачьих полка.

Преимущество врага в живой силе вызвало необходимость подготовить значительное пополнение для армии. 6 июля 1812 г. Александр I издал манифест о создании земского ополчения, в которое крепостные набирались с разрешения помещиков, а выходцы из других сословий — добровольно. На Украине ополчения формировались вначале в Черниговской, Полтавской, Слободско-Украинской, Киевской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях. В общей сложности эти губернии были готовы выставить более 80 тыс. ратников. Но правительство, напуганное массовым вступлением в ополчение крепостных, ограничило набор ополченцев на Украине двумя губерниями — Черниговской и Полтавской.

Ратники собирались из расчета: в Черниговской губернии — один человек от 15 душ, в Полтавской — от 25 душ мужского населения. Формирование ополчений этих губерний шло быстрыми темпами. Так, только из двух поветов Черниговской губернии — Мглинского и Суражского — с 27 июля по 3 августа в ополчение вступило 2700 человек. Многие из них были вооружены. Всего Черниговщина и Полтавщина выставили свыше 40 тыс. ратников. «...Никакой рекрутский набор не представлял еще здесь 42 182 чел. ...», — писал генерал-губернатор Малороссии.

Имеющиеся контингенты ратников в других губерниях правительство распорядилось перевести в рекрутцы. Вот что сообщал 28 сентября предводитель дворянства Слободско-Украинской губернии А. Квит-

ко М. И. Кутузову: «Слободско-украинское дворянство, по получении высочайшего манифеста (от 6 июля.— Б. А.), призывающего все состояния на оборону отечества, определило составить значительное ополчение; но в самое то время, когда оное выставлялось, последовало высочайшее повеление, отменяющее сие ополчение, место которого заступил рекрутский набор». Слободско-Украинское ополчение насчитывало более 13 тыс. пеших и конных ратников. В Киевской губернии было создано пятитысячное ополчение, но и сюда пришло распоряжение перевести всех ратников в рекруты. Так же царское правительство поступило с ополчениями Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний.

Кроме ополчений и казачьих полков, Украина выставила ряд мелких конных подразделений: отряды «лесных казаков» в Киевской, Подольской и Волынской губерниях и Тарнопольской области и эскадрон херсонских казаков под командованием В. П. Скаржинского. С учетом Киевского караульного полка в них насчитывалось 2210 всадников.

Благодаря высокой активности населения, формирование конных казачьих полков и ополчения было закончено в небывало короткий срок. Известный украинский писатель И. П. Котляревский, принимавший деятельное участие в комплектовании 5-го Полтавского полка, давал высокую оценку физического и морального состояния ополченцев: «...Люди, принятые мною, хороши, стариков нет и очень молодых мало; большую частью поступают в казаки с удовольствием, охотностью и без малейшего уныния».

Многие казацкие общества выставляли больше людей, чем полагалось. Например, жители Пирятина Полтавской губернии просили разрешения о поставке пяти человек от 100 вместо четырех. Земский исправник Остерского повета Черниговской губернии писал, что казаки, «восторгом чувств уверясь», решили поставить с 212 душ 14 человек вместо восьми. По официальным данным, число желающих служить в казачьих полках «в пять раз превысило наилучший рекрутский набор».

Особенно активно в ополчение вступали крепостные, которые надеялись таким путем после окончания войны получить свободу. «В 1812 г.,— писал К. Маркс,— когда крестьян призывали записываться

в ополчение... им, хотя и неофициально, но с молчаливого согласия императора, было обещано освобождение от крепостной зависимости в награду за их патриотизм...»¹⁰. Высокую активность проявили и государственные крестьяне. В Черниговском ополчении, которое насчитывало 26 тыс. ратников, 7 тыс. составляли государственные крестьяне. В Полтавском ополчении государственных крестьян насчитывалось 3 тыс. из 16 тыс. человек.

На экипировку и содержание ополчения украинский народ собрал огромные средства. Всего на нужды войны население Украины пожертвовало 9 027 700 руб., 13,5 пуда серебра и несколько килограммов золота. Население пожертвовало также оружие, свинец, порох, лошадей, волов, продовольствие, одежду и др. Одним словом, ратники и казаки были обеспечены всем необходимым для жизни и борьбы.

Всего Украина выставила 68,9 тыс. ратников и казаков, в том числе 33,4 тысячи конных (без офицеров и унтер-офицеров). Подавляющее большинство ополченцев составляли крестьяне и казаки. Дворянские и буржуазные историки называли украинское ополчение дворянским. Это противоречит исторической правде.

Конечно, в ополчение вступали и дворяне. Но лишь часть их честно выполнила свой патриотический долг. Так, благородный поступок совершил херсонский помещик В. Скаржинский. Он не только сам выступил на защиту отечества, но и сформировал и обмунировал за свой счет эскадрон казаков. Многие же украинские дворяне, несмотря на льготные условия службы, не являлись в полки. Предводитель полтавского дворянства Д. П. Трощинский с возмущением писал: «Всякий час получаю отзыв, что избранные чиновники (так назывались офицеры-ополченцы.—Б. А.), под предлогом болезней и других причин, бесстыдно уклоняются от службы».

Некоторые офицеры-дворяне, ведавшие формированием и снабжением ополчения, старались использовать свое положение для личного обогащения, вымогая у казаков деньги. Этим, например, «прославился» в 4-м Полтавском полку поручик Вороной,

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 12, с. 699.

который отнял у казаков 1180 руб., избивал подчиненных за малейшую провинность. Поручик того же полка Клипас также занимался рукоприкладством, присваивал деньги и личные вещи казаков, продавая их «тайным образом». Клипас отнял у казаков 2474 руб. и 18 лошадей, часть которых отправил в свое Золотоношское имение. Поручик 9-го Полтавского полка Санковский обманывал казаков при выплате жалованья, а также наложил на них «оброк» в 5—7 руб. с человека. Он возвращал казака домой, если общество или семья платили за него «выкуп» в размере от 35 до 100 руб. Штабс-капитан Забелло присвоил 2585 руб., которые были отпущены ему для приобретения трехмесячного запаса продовольствия на 255 казаков. Подобных примеров «патриотической» деятельности дворян можно привести немало.

Таким образом, в создании ополчения принимали участие все слои украинского общества, но решающую роль сыграло крестьянство, составлявшее подавляющее большинство ополченцев. В. И. Ленин подчеркивал, что угнетенные эксплуатируемые классы «всегда в истории оказывались неизмеримо выше эксплуататоров по способности на героизм, на самоопожертвование, на товарищескую дисциплину»¹¹. Бесправное крепостное крестьянство Украины в 1812 г. оказалось «неизмеримо выше» своих господ.

Каковы же истоки патриотизма украинского народа в Отечественной войне 1812 г.? Во-первых, выступление украинского населения на борьбу с интервентами явилось «реакцией национального чувства, которое Наполеон попирал ногами у всех народов»¹². Наполеоновские войска несли на своих щитах новое национальное и социальное угнетение. Украинский народ поднялся на Отечественную войну за свою свободу. Во-вторых, защиту России украинцы считали своим кровным делом, выполнением братского долга перед русским народом, который не раз приходил на помощь Украине в ее многовековой борьбе с иноzemными захватчиками. И, наконец, вступая в ополчение, крестьяне надеялись освободиться от крепостной зависимости, а казаки — вернуть свои прежние права и привилегии. Однако уже при следовании

¹¹ Ленин В. И. Поли собр. соч., т. 34, с. 177.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 421.

ополчения на театр военных действий генерал-губернатор Малороссии Лобанов-Ростовский заявил, что о переводе ратников в казаки не может быть и речи. Несмотря на это, ополченцы геройски сражались с врагом.

Подведем итоги по всей главе.

Боевые действия на Юго-Западном театре войны имели ряд особенностей. Они начались на две недели позже, чем на центральном направлении. Оперативная пауза была вызвана тем, что русская дипломатия сорвала предвоенный план Наполеона, и тем, что главное внимание он уделял разгрому 1-й и 2-й русских армий. Второе отличие заключалось в том, что русские войска не только оборонялись, но и провели ряд успешных наступательных операций. Третья особенность состояла в том, что войска левофланговой группировки прикрывали огромную территорию. Протяженность Юго-Западного театра войны превышала 1300 км. Наполеон неоднократно приказывал своим войскам (90 тыс. человек и 204 орудия) овладеть Киевом, но его планы были сорваны. За два месяца боевых действий русские войска и украинские ополченцы вывели из строя до 20 тыс. солдат и офицеров противника, отбили 10 орудий, 7 знамен и штандартов. Дальше Стыри и Припяти враг не прошел. В срыве наполеоновских планов важную роль сыграло активное участие в войне населения Украины.

Глава III

НАЧАЛО КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ РУССКИХ ВОЙСК НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

§ 1. Войска левофланговой группировки в стратегических планах русского командования на второй период войны

В конце августа — начале сентября 1812 г. на центральном направлении произошли крупнейшие события Отечественной войны, изменившие военно-

стратегическую обстановку в пользу России. В ходе Бородинской битвы русские войска, проявив невиданный героизм, мужество и стойкость, обескровили армию Наполеона, подорвали ее моральный дух. Совершив свой знаменитый марш-маневр под Тарутино, М. И. Кутузов создал благоприятные условия для подготовки армии к контраступлению.

Важной составной частью подготовки являлась разработка оперативных планов. В трудах наших историков, прежде всего П. А. Жилина и Л. Г. Бескровного, этой проблеме уделяется большое внимание. Однако ряд вопросов нуждается, на наш взгляд, в доисследовании. Во-первых, недостаточно показано место войск левофланговой группировки в планах Кутузова. Авторы не прослеживают эволюции его взглядов по данному вопросу, в частности, не видят разницы между его письмами А. П. Тормасову и П. В. Чичагову от 14 и 20 августа и директивами от 6 сентября. Во-вторых, далеко не полно выявлена сущность оперативного плана, утвержденного Александром I 31 августа, недостаточно показаны его отличия от кутузовского плана. Авторы часто смешивают их. Так, в литературе широкое распространение получило мнение о том, что Кутузов планировал окружить и уничтожить наполеоновскую армию на Березине. Как будет показано, эта идея принадлежала утвержденному царем плану, а фельдмаршал намечал осуществить разгром агрессора восточнее Днепра. В-третьих, совершенно не изучен план контраступления, разработанный А. П. Тормасовым по настоянию П. В. Чичагова.

Как говорилось, в письмах Тормасову и Чичагову от 14 августа Кутузов определил задачи их армий лишь в общих чертах. В предписаниях от 20 августа он приказал 3-й армии вместе с корпусами Ф. В. Сакена и Ф. Ф. Эртеля следовать на Московское направление, а войскам Чичагова обеспечить безопасность Юго-Западного края. Фельдмаршал переслал царю копию своего письма Тормасову от 20 августа и тем самым поставил его в известность о намерении использовать 3-ю армию непосредственно против основных сил Наполеона. В рапорте Александру I от 4 сентября Кутузов, определяя причины отхода под Тарутино, подчеркнул: «Всякое другое направление пресекло бы мне... связь с армиями Тормасова и Чи-

чагова». Из рапорта следует, что и после отхода за Москву фельдмаршал не отказался от мысли привлечь войска левофланговой группировки к борьбе против главных сил Наполеона.

Задачи войскам левофланговой группировки на новый этап войны главнокомандующий поставил в предписаниях Чичагову и Тормасову от 6 сентября. Сообщив о сдаче Москвы и создании новой операционной линии «по дорогам Тульской и Калужской к Смоленской», фельдмаршал предписал адмиралу, «соединясь с войсками генерал-лейтенанта Эртеля, итти сколь возможно будет кратчайшими и удобнейшими путями к Могилеву на Смоленскую дорогу и далее к помянутой линии как для сближения с здешними армиями, так и для угрожения неприятельского тыла и пресечения всякого сообщения его». Кроме корпуса Эртеля, Кутузов приказывал Чичагову взять с собой 13-ю дивизию Ришелье и четыре украинских казачьих полка полковника И. О. Витте. Задачи войск Тормасова Кутузов определил следующим образом: «...Оставив при себе генерал-лейтенанта Сакена с его корпусом, пребывать в Волыни и Подолии для охранения того края, наипаче Киева, от покушений неприятельских».

Итак, М. И. Кутузов планировал использовать часть войск левофланговой группировки для концентрического наступления на основные силы Наполеона. Директивы Кутузова от 6 сентября не только развивали основные положения его писем Тормасову и Чичагову от 14 и 20 августа, но и содержали ряд важных уточнений и дополнений. Если раньше он приказывал переместить 3-ю армию, то теперь — Дунайскую. Вместо малочисленного корпуса Сакена, почти не имевшего кавалерии и артиллерии, Кутузов придавал Дунайской армии 13-ю дивизию и четыре украинских казачьих полка. Такое перераспределение войск отвечало реально сложившейся обстановке на левом крыле и более соответствовало выполнению задач, поставленных перед войсками Чичагова.

Четче, чем прежде, определялись район действия и задачи Дунайской армии. Если в письмах Тормасову и Чичагову от 14 и 20 августа об этом говорилось весьма приблизительно, то теперь Кутузов приказывал Чичагову овладеть Могилевом на Днепре,

выйти на Смоленскую дорогу и двигаться по ней к операционной линии Главной армии. Отсюда следует, что Дунайская армия должна была разгромить ближайший тыл Наполеона, перерезать его важнейшую коммуникацию, не допустить подхода подкреплений в Москву, а затем, соединившись с Главной армией, принять участие в окружении и разгроме основных сил врага восточнее Днепра. Особо следует подчеркнуть, что Кутузов рассчитывал соединить Дунайскую армию с Главной. Об этом он писал Чичагову в конце послания: «...В ожидании столь полезного вашего со мною соединения имею честь быть...»

План Кутузова имел реальное основание. 90-тысячная армия Наполеона, вступившая в Москву, была в значительной степени деморализована Бородинской битвой, московским пожаром и действиями партизан и ополченцев. Его коммуникации в районе Могилева и Смоленска прикрывали слабые тыловые части, т. к. корпуса Ожера и Виктора в середине сентября еще не прибыли. Русская армия с каждым днем усиливалась. По данным рапорта Кутузова Александру I от 23 сентября, Главная армия в это время насчитывала уже свыше 90 тыс. человек и 612 орудий и располагала резервом пехоты в 28—30 тыс. человек. В непосредственной близости от Москвы действовали губернские ополчения, общая численность которых превышала 135 тыс. ратников. Были созданы и необходимые материальные ресурсы. Следовательно, во второй половине сентября, когда Кутузов планировал начать активные действия, русская армия располагала всеми необходимыми условиями для перехода в контрнаступление. Участники войны по достоинству оценили замыслы фельдмаршала. «Все было так хорошо рассчитано,— писал генерал-лейтенант А. Ф. Ланжерон,— что если бы адмирал точно исполнил все приказания, которые он получил, то не потерял бы 25 дней в Бресте, добрался бы до Днепра раньше Наполеона, перерезал бы ему путь отступления, что привело бы его к неминуемой гибели». За переброску Дунайской армии на Центральное направление высказывались П. И. Багратион, А. Н. Ермолов и другие русские военачальники. Наполеон и его маршалы крайне опасались появления ее в своем тылу.

Реализация этого глубоко продуманного и материально обеспеченного плана натолнулась на не-предвиденное препятствие. 8 сентября в Красную Пахру, где находилась ставка фельдмаршала, прибыл флюгель-адъютант царя полковник А. И. Чернышев, доставивший рескрипты Александра I от 31 августа на имя М. И. Кутузова и командиров отдельных армий и корпусов — П. Х. Витгенштейна, П. В. Чичагова и Ф. Ф. Штейнгеля. В них излагался новый оперативный план второго этапа войны, хотя Александр I называл его то «некоторыми примечаниями для операционного плана», то «проектом плана». Он лицемерно предоставлял Кутузову право принять или отвергнуть его. «Если план сей,— писал он,— вами признан будет полезным, то отправьте флигель-адъютанта Чернышева к адмиралу Чичагову». В то же время он дал задание своему адъютанту убедить Кутузова принять план. Без согласования с главнокомандующим царь рескриптом от 1 сентября, т. е. до получения «одобрения» Кутузова нового плана, отстранил Тормасова от командования 3-й армией и приказал объединить ее с Дунайской. Главнокомандующим объединенными армиями он назначил П. В. Чичагова, которого считал «способнее» Тормасова «по решимости характера». Александр I предписал Кутузову отзвать Тормасова в свой штаб и «вверить ему резерв». Санкционировав оперативный план и назначив Чичагова на новый пост без согласования с Кутузовым, Александр I грубо нарушил им же утвержденное «Учреждение для управления Большой действующей армией», согласно которому все это входило в прерогативы главнокомандующего.

Что же собой представлял новый план (назовем его петербургским)? В целом он преследовал ту же цель, что и кутузовский план,— разгром врага и изгнание его из России, но содержал ряд грубых ошибок и предполагал действия, противоположные тем, которые намечал Кутузов и о которых Александр I был прекрасно осведомлен.

Начнем с того, что в плане неверно оценивалась военно-стратегическая обстановка на театре войны. Его авторы исходили из того, что русская армия, как писал Александр I Кутузову, «преградив успехи неприятеля, удержит и дальнейшее его вторжение», а затем приступит «к наступательным действиям».

В действительности русская армия, сдав Москву, отходила под Тарутино.

В петербургском плане неверно определялось направление главного удара. Если Кутузов планировал нанести его по основным силам Наполеона, то петербургский план преследовал цель прежде всего разгромить его фланговые группировки встречным наступлением войск Витгенштейна и Штейнгеля с севера и Дунайской армии — с юга. Решающая роль в разгроме врага отводилась не Главной армии, а Дунайской. Александр I писал Кутузову: «Из сего плана усмотрите вы, что главные действия предполагается произвесть армиюю адмирала Чичагова...» Фланговые войска должны были действовать вне связи с Главной армией. Совместные действия предусматривались лишь на заключительном этапе операции.

Если Кутузов намечал произвести окружение армии Наполеона на восточном берегу Днепра, то петербургский план предусматривал решение этой задачи на Березине. В рескрипте Чичагову царь предписывал занять до 10 октября «реку Березину и Борисов, где должно укрепить сильный лагерь, и далее лес и дефилеи по дороге от Борисова до Бобра» с тем, «чтобы на возвратном пути главной неприятельской армии, преследуемой нашими войсками, тут на каждом шагу могло быть производимо сильное сопротивление...»

Кутузов предоставлял командующим 3-й и Дунайской армиями большую самостоятельность. Он лишь определил основные задачи. Петербургский план скрупулезно регламентировал действия войск: в нем указывались маршруты движения, даты освобождения тех или иных городов и т. п. При этом совершенно не учитывались действия противника, погодные условия и другие факторы. Так, Дунайская армия не позднее 20 сентября должна была овладеть Пинском, 26 сентября — Несвижем, 4 октября — Минском. Здесь к ней должен был присоединиться корпус Ф. Ф. Эртеля. До 10 октября войска Чичагова должны были укрепиться на Березине и наладить взаимодействие с корпусом Витгенштейна. Такое расположение Дунайской армии, по мнению авторов петербургского плана, давало ей возможность не только преградить путь отступавшей наполеоновской армии,

но и прикрыть Днепр или Волхов, «если отраженный от Москвы неприятель покусится обратиться на Киев или Петербург».

Рескриптом от 31 августа Александр I приказывал 3-й армии обеспечить «скрытое движение» войск Чичагова на Березину, разбить или оттеснить корпуса Шварценберга и Ренье за границу.

Ознакомившись 8 октября с петербургским планом, М. И. Кутузов заявил Чернышеву, что он послал предписание Чичагову следовать на Могилев, т. е. фактически отказался от выполнения плана, утвержденного царем. Два дня Чернышев убеждал фельдмаршала в выгодности нового плана, ссылаясь при этом на мнение императора. Он привлек начальника штаба Главной армии Л. Л. Беннигсена, который восторженно отозвался о петербургском плане. И Кутузов был вынужден уступить. 10 сентября он предписал Чичагову приступить «к исполнению высочайшей воли», но подчеркнул, что действия его войск должны быть направлены «к общей цели».

В рапорте Александр I от 10 сентября фельдмаршал в завуалированной форме отметил основные недостатки присланного плана и настаивал на том, чтобы Дунайская армия как можно быстрее вышла на операционную линию Наполеона «либо для сближения с корпусом Витгенштейна, либо сколь можно скорее приближаться к окрестностям Могилева». «Сим,— подчеркивал Кутузов,— заботливее сделается положение главных неприятельских сил и тем скорее вынужденным он будет оставить сердце России». Следовательно, фельдмаршал хотел переубедить царя, но тот остался глух к его доводам. Позже главнокомандующий проводил в жизнь свои замыслы. Таким образом, в период контринаступления русские войска действовали по двум оперативным планам — Главная армия по кутузовскому, а фланговые войска — по петербургскому. Такое ненормальное явление, противоречащее военному искусству, создалось по вине Александра I и его ближайшего окружения.

Рассмотрим план штаба 3-й армии. Инициатором его разработки был П. В. Чичагов. Сообщая 24 августа Тормасову о подходе своей армии к Днестру и предлагая «переменить действия из оборонительных в наступательные», адмирал писал: «Я вас покорно прошу заняться предварительно по знанию вашему

тех мест планом, коего держаться можно было». Тормасов согласился. Но 28 августа он получил предписание Кутузова от 14 августа, которое, по его словам, вносило «некоторую перемену в общих предположениях». Тормасов предлагал приехать Чичагову или его начальнику штаба в Луцк для согласования совместных действий. В ответном послании Чичагов заверил Тормасова, что он имеет «повеление» Александра I действовать «совокупными силами в герцогстве Варшавском». Тормасов оказался в сложном положении: с одной стороны, он получил приказ Кутузова двинуть свою армию на разгром основных сил Наполеона, с другой,— Чичагов со ссылкой на мнение императора убеждал его в необходимости освободить Волынь.

Как же поступил Тормасов? 30 августа он доложил Кутузову о готовности выступить на соединение с его армией, а своему штабу приказал разработать план изгнания наполеоновских войск из Волыни.

3 сентября Тормасов направил Чичагову план под названием «Мнение для наступательных движений двух действующих армий противу соединенных неприятельских сил, за рекою Стыром расположенных». Учитывая, что вражеские войска на Волыни концентрировались в трех пунктах (саксонцы — у м. Киселина, австрийцы — у с. Колобы, поляки — у г. Владимира), план предусматривал наступление в трех направлениях: основные силы Дунайской армии форсируют Стырь у с. Хрынники и движутся к м. Блудову; 5-тысячный отряд этой же армии совершает «сколь можно стремительное» движение на Владимир; 3-я армия переходит Стырь у Луцка и ведет наступление на Торчин. Конкретные действия войск ставились в зависимость от поведения противника — будет ли он обороняться или отступит. «В первом случае,— говорилось в плане,— местные уже обстоятельства покажут средства, как вытеснить его из занятой им позиции и затруднить потом его отступление».

Плану были присущи серьезные недостатки. Во-первых, главное внимание обращалось на изгнание, а не на уничтожение живой силы врага. Во-вторых, операции 3-й и Дунайской армий не связывались с действиями главных сил. Авторы плана полностью

игнорировали предписания Кутузова, а это было на руку Наполеону, который постоянно требовал от Шварценберга сковать русские войска, действовавшие на Юго-Западном театре. И, наконец, план совершенно не предусматривал ведение операций после освобождения Волынской губернии. Правда, в своих посланиях Тормасову Чичагов намекал о вторжении в герцогство Варшавское.

6 и 9 сентября проходили совещания командующих 3-й и Дунайской армий. На них были уточнены детали плана. В частности, Чичагов высказывался против посылки отряда на Владимир, но Тормасову удалось убедить его в целесообразности этого рейда. На последнем совещании было решено начать операции 10 сентября, выделив для их проведения 55 тыс. солдат. Остальные войска 3-й и Дунайской армий должны были обеспечивать безопасность Волынской, Подольской и Киевской губерний.

§ 2. Первый период контрнаступления 3-й и Дунайской армий. Действия рейдовых отрядов

Дунайская армия форсировала Стырь 10, а 3-я — 11 сентября. Попытки противника помешать перевозке были ликвидированы смелыми действиями авангардов. Войска рвались в бой. «Храбрые полки наши,— пишет один современник,— без большого труда опрокинули колонны неприятеля, незадолго перед тем мечтавшего попрать святыню заветных стен киевских».

Как видно из журнала военных действий австрийского корпуса, приказ Наполеона о наступлении на Киев Шварценберг получил 8 сентября. Но ни о каком наступлении он не помышлял. 12 сентября австрийский фельдмаршал информировал Наполеона о переходе русских войск в наступление, что, по его мнению, делало невозможным выполнение приказа. Шварценберг считал, что против него будет действовать лишь часть войск Дунайской армии, а основные ее силы двинутся к Бобруйску на соединение с Главной армией Кутузова. Поэтому он принял решение временно уклоняться от генерального сражения и отвести свои войска к Любомлю.

Русские войска действовали медленно. Между

Тормасовым и Чичаговым существовали разногласия по тактическим вопросам. Так, Чичагов считал, что противник попытается задержать русские войска на р. Турии, и приказал остановиться и готовиться к сражению. Тормасов был против, но подчинился адмиралу.

12 сентября в штаб 3-й и Дунайской армий поступили директивы М. И. Кутузова от 6 сентября. На другой день Тормасов и Чичагов встретились в Торчине, чтобы обсудить план дальнейших действий и ответы главнокомандующему. Было решено сначала полностью освободить Волынь, а затем приступить к выполнению директив Кутузова. 14 сентября Чичагов писал фельдмаршалу: «Мы согласились с г. Тормасовым преследовать его (Шварценберга.—Б. А.) по направлению к Ковелю, куда, он, кажется, стремится. Потом, собрав как прежде бывшие под начальством моим, так и вновь назначенные войска (Эртеля, Ришелье и Витте.—Б. А.), я пойду кратчайшим путем на Могилев». Но адмирал просил прислать еще «подтверждение». В рапорте Кутузову Тормасов просил оставить корпус Ф. Ф. Эртеля в своей армии. Тормасов и Чичагов ошибочно считали, что Наполеон прикажет Шварценбергу и Ренье следовать в свою главную армию. Только в этом случае их войскам целесообразно будет двигаться на соединение с армией Кутузова. За всеми этими рассуждениями скрывался страх Чичагова и Тормасова оказаться разбитыми поодиночке. Адмирал откровенно писал Л. Л. Беннигсену: «Я остался на месте, чтобы не покидать г. Тормасова, армия которого была бы в противном случае уничтожена или отброшена в глубь страны и вынуждена оставить наши южные польские губернии».

Четыре дня войска обеих армий готовились к решительному сражению, чтобы, как говорится в «Журнале военных действий» П. В. Чичагова «нанести армии неприятельской смертельный удар». Однако удар пришелся по пустому месту. Переправившийся рано утром 17 сентября авангард не обнаружил противника: в час ночи вражеские войска скрытно остались свои позиции.

В тот же день в штаб Дунайской армии прибыл А. И. Чернышев с рескриптами Александра I. Отстранение от армии произвело на Тормасова тяжелое

впечатление. На очередном военном совете было решено, что он будет командовать 3-й армией до полного освобождения Волыни.

Ознакомившись с петербургским планом, Чичагов признал его «обширным» и «важным». Правда, он заметил некоторые его недостатки. В письме царю от 22 сентября адмирал подверг критике ту часть плана, в которой декларативно утверждалось об объединении усилий всех армий и в то же время войскам ставились различные задачи. Но, правильно указывая на это противоречие, Чичагов не предлагал его устраниить. Его возмутило лишь то, что Александр I не подчинил ему все войска, которые должны были окружить армию Наполеона на Березине. В изданной в конце сентября прокламации он выразил свои честолюбивые надежды: «...Повелено мне принять главное начальство не токмо над 3 армией, но и над корпусами генерала графа Витгенштейна, Штейнгеля и Левиса, и действовать совокупно с ними к общей цели».

22 сентября русские войска полностью освободили Волынь. За 10 дней боевых действий они вывели из строя около 3 тыс. солдат и офицеров противника, но разгромить его не смогли. Войска Шварценберга беспрепятственно переправились за Буг у Владавы. Оттеснив противника в Польшу, Чичагов, ставший полновластным главнокомандующим всех войск Юго-Западного театра войны, считал, что он действует в духе общего плана. «Неприятель вне наших границ,— доносил он царю,— и я постараюсь прибыть как можно скорее в Слоним и потом в Минск».

Считая противника изгнанным из России, адмирал глубоко заблуждался. Во-первых, на территории Гродненской губернии остались крупные вражеские отряды, отходившие к Бресту и Кобрину. Во-вторых, перейдя Буг, Шварценберг не собирался оставаться в Польше. Это был маневр, преследовавший цель задержать русские войска. Видя, что русские за ним не последовали, Шварценберг переправился на восточный берег у Бреста и занял позицию на р. Мухавец. Вместо того чтобы идти на Минск, 3-я и Дунайская армии двинулись к Бресту, куда и прибыли 25 сентября. Рассчитывая, что Шварценберг даст здесь сражение, штаб Дунайской армии разработал «Диспозицию к атаке неприятельских сил, при Брест-Литов-

ском расположенных», в которой предусматривались сложные маневры войск.

Утром 29 сентября, когда все было готово к общей атаке, выяснилось, что противник отошел за р. Лесную. Русские войска подошли к реке вечером того же числа. Штаб разработал новую диспозицию. В ней предусматривался отход врага без боя. Но, как и раньше, перед войсками не ставилась задача уничтожить живую силу противника, а лишь «вытеснить» ее. Как и в первый раз, Шварценберг не стал дожидаться атаки русских войск: в ночь на 30 сентября он отошел к Высоко-Литовску. В тот же день русские войска вступили в Брест. Здесь Чичагов объединил армии. 1 октября он рапортовал Кутузову: «Приняв главное начальство над 3-ю Западною армию, я по воле е. и. в. соединил ее с Дунайскою. С сего времени они будут составлять одну под названием Западной».

Освобождением Бреста завершился первый этап контрнаступления 3-й и Дунайской армий. За 20 дней боев русские войска вывели из строя более 4 тыс. солдат и офицеров противника, освободили Волынскую губернию и часть Гродненской. Контрнаступление русских войск подорвало моральный дух наполеоновских солдат, особенно австрийских. Были случаи, когда они отказывались повиноваться начальству, добровольно сдавались в плен или стреляли в русских холостыми зарядами. «Австрийцы весьма недовольны тем, что должны воевать с Россией», — доносил английский представитель при штаб-квартире Дунайской армии Тэрконель английскому комиссару Р. Вильсону, находившемуся при штабе Кутузова.

Контрнаступление 3-й и Дунайской армий имело определенное внешнеполитическое значение. Движение массы русских войск вдоль Буга вызвало новую волну паники в герцогстве Варшавском. «Варшава затрепетала», — пишет по этому поводу французский военный историк Г. Жомини. Наличие крупной группировки русских войск вблизи австрийской границы держало в страхе австрийское правительство. Оно строго выполняло заключенное соглашение.

Несмотря на очевидные успехи, результаты контрнаступления 3-й и Дунайской армий не следует преувеличивать. Во-первых, оно велось на узком участке и крайне медленными темпами. Во-вторых, рус-

ские армии не смогли нанести австро-саксонским войскам решительного поражения. Тактика давления на противника, принятая обоими главнокомандующими, отрицательно сказывалась на действиях войск. В-третьих, действия 3-й и Дунайской армий на второстепенном направлении противоречили общему оперативному плану и директивам М. И. Кутузова.

В районе Бреста 3-я армия находилась до 15 октября. В ее «Журнале военных действий» за первую половину октября ежедневно фиксировалось: «Все войска на тех же местах». Таким образом, забыв о своем обещании Александру I о движении на Слоним и далее на Минск, П. В. Чичагов остановил армию под Брестом. Каковы причины ее задержки?

В рапорте Кутузову от 3 октября Чичагов объяснял остановку нехваткой продовольствия и подчеркивал, что он остановился на «несколько дней». С такой мотивировкой нельзя полностью согласиться. Во-первых, к 4 октября продовольственный кризис удалось преодолеть, т. к. подошли транспорты из Волынской и Подольской губерний и Бессарабии, а также была собрана значительная контрибуция в герцогстве Варшавском. Во-вторых, в рапорте речь шла о «нескольких днях», а фактически армия простояла две недели.

Основная причина остановки 3-й армии под Брестом коренилась в самом Чичагове. Сравнительно легкие победы над противником, видимо, вскружили ему голову, и он принял решение разбить австро-саксонские войска и преследовать их до Варшавы. «Буду гоняться за Шварценбергом, пока мы его поймаем»,— делился он своими замыслами 2 октября с Р. Вильсоном. «Цель моих действий,— писал он 3 октября Александру I,— будет отчасти достигнута отступлением неприятеля в герцогство».

Замыслы Чичагова противоречили не только директивам Кутузова, но и петербургскому плану, согласно которому Дунайская армия еще в конце сентября должна была выйти на основную коммуникацию Наполеона.

Чичагов не только писал о своем намерении наступать на Варшаву, но и действовал в этом направлении. Первым на польскую территорию вступил 28 сентября отряд под командованием полковника А. И. Чернышева (1800 воинов). 2 октября отряд овладел Бенгровым, расположенным в 75 верстах от

польской столицы. За семь суток рейда партизаны Чернышева уничтожили 10 крупных складов, взяли в плен более 200 офицеров и рядовых и отбили 13 орудий. Отряды под командованием генерал-майоров Дегтярева и Мелиссино внезапным ударом захватили Янов. В радиусе 100 верст армейские партизаны уничтожали склады, разгоняли рекрутские команды, собирали продовольствие для своих войск. Для предследования отступавших по западному берегу Буга вражеских войск Чичагов направил отряды под командованием генерал-майора Грекова и полковника Кнорринга. Отряд генерал-майора Е. И. Чаплица разгромил польский полк и овладел Слонимом, открыв тем самым путь 3-й армии на Минск.

Успехи рейдовых отрядов породили у Чичагова иллюзии легкой победы. 5 октября он двинул в Польшу корпус генерала Эссена (10 тыс. солдат), приказав ему «напасть и разбить противника», со средоточившегося под Бялой. В тот же день аналогичный приказ он отдал корпусам Булатова и Ланжерона, ничего не сообщив об этом Эссену, корпус которого 6 октября уже был под Бялой. После утомительного перехода русские войска вступили в тяжелый бой с корпусами Шварценберга и Ренье. Потеряв 126 человек убитыми и 209 ранеными, Эссен отошел к Залесью.

Осечка под Бялой охладила наступательный пыл адмирала. Он отдал приказ о возвращении всех отрядов, кроме Чаплица, в Брест. За короткий срок армейские партизаны вывели из строя более 2 тыс. солдат и офицеров противника, уничтожили ряд его баз снабжения, вызвали панику среди польской и литовской шляхты. Но эти успехи носили тактический характер, они не повлияли на общую стратегическую обстановку.

Документы М. И. Кутузова показывают, что он с нарастающей тревогой следил за действиями войск Чичагова. Получив 21 сентября рапорты Тормасова и Чичагова от 14 сентября, фельдмаршал разгадал намерение адмирала после взятия Бреста вторгнуться в Польшу. В донесении царю от 21 сентября он подчеркнул, что действия 3-й и Дунайской армий противоречат «общему плану». В письме Чичагову от 2 октября главнокомандующий потребовал от него действовать «на главную коммуникацию неприятеля».

Адмирал отмалчивался или отдельывался формальными рапортами. С подчиненными ему генералами он вел себя грубо и вызывающе. Адмирал отстранил от командования корпусом героя Рущука генерал-лейтенанта Маркова, снял с должностей начальника артиллерии Резвого, генерал-провиатмейстера Кованько и других генералов. Своей жестокостью Чичагов вызвал ненависть солдат и офицеров, и они за глаза называли его «презренным матросом».

Закономерно поставить вопрос, чем объясняется такое поведение П. В. Чичагова? Прежде всего покровительством Александра I. Назначая адмирала на пост командующего Дунайской армией, царь наделил его огромными полномочиями и предоставил независимость. Чичагов подчинялся только Александру I. В письме от 18 июля царь разрешил своему фавориту «перейти в наступление и действовать на Пинск или Люблин и Варшаву». Этим и воспользовался Чичагов, хотя по петербурскому плану должен был следовать на Березину. Царь никак не реагировал на это нарушение и на донесения фельдмаршала о неуполновечении адмирала. Он по-прежнему верил в способности и «силу характера» своего фаворита. Тем сильнее было его разочарование в нем после Березины.

10 октября Чичагов получил письмо Кутузова от 2 октября. Видимо, поняв, что дальнейшее уклонение от выполнения общего плана чревато большими последствиями, адмирал отдал приказ о подготовке к походу на Березину. С собой он решил взять 30 тыс. войск, а остальным поручил прикрывать свой тыл и охранять украинские губернии. В районе Минска Чичагов рассчитывал присоединить корпус Эртеля и другие части и довести численность войск до 50 тыс. человек. В середине октября войска были готовы к походу на Березину.

Итак, пользуясь покровительством Александра I, П. В. Чичагов на две недели остановил армию под Брестом, что отвечало интересам Наполеона. Настойчивые требования М. И. Кутузова заставили адмирала отказаться от авантюристического плана наступать на Варшаву и приступить к выполнению общей стратегической задачи. Но время было упущено безвозвратно.

§ 3. Стратегический план Наполеона на осень 1812 г. и его крах

Куда намеревался вести свою армию французский полководец в начале октября 1812 г., что планировал он предпринять в дальнейшем? На этот вопрос историки отвечают по-разному. Е. В. Тарле, Л. Г. Бескровный, П. А. Жилин считают, что, оставив Москву, Наполеон намеревался овладеть Калугой, а затем повернуть на Смоленск, поставить свою армию на зимние квартиры между Днепром и Двиной, чтобы весной 1812 г. возобновить военные действия. Другие историки (В. И. Кузнецов, В. В. Мавродин, Б. С. Абалихин) утверждают, что французский полководец преследовал цель прорваться на Украину. При этом утвердилась традиция рассматривать вопрос об отходе Наполеона из Москвы вне связи с действиями его войск на других театрах войны. Главными источниками при аргументации первой точки зрения являются «письмо» Наполеона Маре от 4 октября (Л. Г. Бескровный) и бездоказательные рассуждения К. Клаузевица (Е. В. Тарле). Авторы не проанализировали оперативную переписку Наполеона за сентябрь-октябрь 1812 г. и, что особенно удивительно, не выяснили мнение М. И. Кутузова по этой проблеме.

В решении спорного вопроса важное значение имеет так называемое «письмо» Наполеона. Первым его опубликовал в 1827 г. бывший статс-секретарь Наполеона А. Фэн в подтверждение своего заключения о том, что французская армия должна была захватить Калугу, а затем отойти в междуречье. По его мнению, Наполеон раскрыл свой подлинный план, когда писал Маре: «В начале ноября поставлю я армию на пространстве между Смоленском, Могилевом, Минском и Витебском». Но Наполеон никогда такого письма не писал. В комментарии составители 24-го тома «Переписки Наполеона» подчеркнули, что этот документ не принадлежит перу Наполеона, а является составленной по его указанию от 4 октября инструкцией Маре французскому посланнику в Вене Отто. Структура документа полностью подтверждает комментарий. Документ состоит из двух частей: письмо Наполеона Маре от 4 октября с требованием подготовить общественное мнение союзных стран к

отступлению французской армии из Москвы. Затем следует сообщение, составленное французским министром. Текст его взят в кавычки и подписан «Дюк де Бассано», а ниже указано: «Вильна, 26 октября 1812 г.» (по новому стилю.— Б. А.).

Таким образом, документ, который А. Фэн считал письмом Наполеона, таковым не является. Он был написан Маре и разослан по европейским столицам с целью дезинформировать правительства и общественность подвластных Наполеону стран о планах французского полководца. Из труда А. Фэна это «письмо» перекочевало в русскую дооктябрьскую (первым на него сослался А. И. Михайловский-Данилевский) и советскую историографию.

Что заставило Наполеона оставить Москву? Каков был его подлинный стратегический план на осень 1812 г.? На решение Наполеона покинуть русскую столицу появляли многие факторы. И упорное нежелание русского правительства вступать в переговоры о мире, и активные действия русских партизан и ополченцев, в результате которых французская армия за пять недель потеряла свыше 30 тыс. солдат и офицеров, и начавшееся разложение его войск, и тревожные сообщения из Франции, где поднимала голову оппозиция, и нарастающая мощь русской армии, которая, находясь в Тарутине, как бы нависала над главной коммуникацией Наполеона и в любой момент, перейдя к активным действиям, могла перерезать ее. Была и еще одна, на наш взгляд, наиболее веская причина — активизация русских войск на флангах. 24 сентября в штаб Наполеона поступило паническое донесение Шварценберга о наступлении 3-й и Дунайской армий. Одновременно стало известно о движении корпуса П. Х. Витгенштейна на Полоцк. Наполеон понял: встречным наступлением с юга и севера русское командование стремится перерезать его коммуникации, отрезать его от тылов.

Уже при первом обсуждении донесения австрийского фельдмаршала А. Бертье предложил покинуть Москву и отойти поближе к Польше. Такого же мнения был и Наполеон. С 24 сентября он приступил к подготовке отступления и отдал ряд приказов, отражающих его стратегический план ведения войны на новом этапе. Шварценбергу он приказал не допустить продвижения Дунайской армии на северо-восток. Два

послания он направил Францу I. В первом просил «усилить кн. Шварценберга, чтобы он не уронил чести австрийского оружия»; во втором послании, направленном через два часа после первого, Наполеон требовал «двинуть в тыл русских войск корпус, стоящий в г. Лемберге (Львове.— Б. А.), ...и направить Шварценбергу 10 тыс. солдат на пополнение». «Я сам наметил послать 3 тыс. пехоты, чтобы возместить его убытки»,— заканчивал свое послание Наполеон. Маршалу Виктору он подчинил все войска (40 тыс. человек), расположенные в Южной Белоруссии и Смоленской губернии. Смотря по обстановке, они должны были поддерживать или группировку Шварценберга, или корпус маршала Сен-Сира, противостоявший войскам Витгенштейна. В тот же день, 24 сентября, французский полководец предписал Д. де Прадту набрать 30—40 тыс. польских рекрутов и немедленно послать их на усиление войск Шварценберга. Одновременно он потребовал от саксонского короля усилить корпус Ренье и приказал 15-тысячной дивизии генерала Дюрютта, расположенной под Варшавой, следовать форсированным маршем на соединение с группировкой Шварценберга. В директиве Маре от 26 сентября Наполеон сетовал на бездействие австрийских войск, дислоцированных в Галиции: «...Меня очень удивляет то, что принц Рейсс не делает движения в тыл русских войск». В те же дни он просит свою супругу: «Пиши чаще своему отцу, рекомендуй ему усилить корпус Шварценберга».

Итак, на западном участке своего правого фланга Наполеон, очевидно, намеревался осуществить такой план: довести численность войск под командованием Шварценберга до 160 тыс. человек, ввести в действие новые австрийские войска, комбинированным ударом с запада и юго-запада разгромить 3-ю и Дунайскую армии и овладеть западными губерниями Украины. В случае необходимости группировка Виктора должна была поддержать австро-польско-саксонские войска.

Приказы Наполеона показывают, что он стремился переместить значительные силы со своей операционной линии на юг. Так, минскому губернатору польскому генералу Брониковскому он предписал останавливать все маршевые роты и направлять их на усиление дивизии Домбровского. Самому же Домб-

ровскому Наполеон приказал снять осаду Бобруйска и «отбросить Эртеля». Командир только что прибывшей из Франции дивизии генерал Барага д'Илье получил приказ «устроить новую военную дорогу от города Ельня до города Калуги».

Офицеры французской армии высказывали догадки о путях отхода из Москвы. По словам офицера штаба корпуса Богарне Е. Лабома, «одни говорили, что надо идти на Украину, другие двинуться на Петербург, самые же умные повторяли, что давно надо было бы вернуться в Вильну». Итальянский офицер Ц. Ложье записал в своем дневнике 1 октября: «Начинают уже спрашивать друг у друга, по какой дороге пойдем обратно: по той ли, по которой пришли, или двинемся на юго-запад?» Не было единого мнения и среди маршалов Наполеона. На последнем военном совете, который состоялся в Москве, Мюрат предложил идти на Петербург, Ней — вернуться в Смоленск, а Даву склонял всех напасть на русские войска, сжечь Тулу и Калугу и двинуться на Украину. С последним предложением согласился и Наполеон. Покидая Москву, он заявил: «Так как в подобных обстоятельствах надо остановиться на плане наименее опасном, я решился на отступление к Киеву, что кажется наиболее выгодным».

Отступление на Украину сулило французской армии ряд преимуществ. В случае успеха она продвигалась бы по богатым, не тронутымвойной районам. На ее пути находились крупные базы русских войск в Трубчевске, Соснице, Киеве, где к началу октября хранилось 517 тыс. четвертей продовольствия и фураж. На этом направлении не было значительных сил русских войск. Кроме того, движение по Украине давало возможность Наполеону объявить его новым наступлением и вынудить своих вассалов, прежде всего Австрию и Варшавское герцогство, действовать активнее.

М. И. Кутузов и его штаб внимательно следили за действиями противника. Ценные сведения сообщали пленные. Так, племянник французского военного министра Кларка заявил, что «Наполеон не намерен оставаться в Москве, а проложит себе путь силою на Украину». Бригадный генерал Ж.-П. Ожеро (братья маршала П.-Ф. Ожеро) информировал о задании Наполеона дивизии Барага д'Илье. Русские разведчи-

ки доносили в Главный штаб о том, что «от Могилева по тракту Черниговскому чинятся неприятелем мосты», что «из Старого Быхова назначено 2 тыс. войск для занятия местечка Журавичи», что «неприятель тремя дивизиями войск французских и польских имеют проходить через Рогачевский повет», что из Мстиславля готов выступить сильный отряд противника, «направляя путь свой к Чернигову». В ряде донесений содержались сведения о том, что Наполеон приказал Виктору двинуть часть войск своего корпуса на Украину.

Располагая довольно точными сведениями, Кутузов провел в конце сентября—начале октября серию мероприятий, направленных на срыв замыслов французского полководца. Прежде всего фельдмаршал поставил под наблюдение все возможные пути отхода французов из Москвы. В «Журнале военных действий» Главного штаба с 25 по 28 сентября говорится: «От Смоленска до Гжатска действует подполковник Давыдов, от Гжатска до Можайска генерал-майор Дорохов, а от Можайска до Москвы капитан Фигнер».

Одновременно укреплялась оборона северной границы Украины. Численность корпуса Ф. Ф. Эртеля была доведена до 20,5 тыс. человек. В его задачу входила защита Киевской и от части Черниговской губерний. По Днепру в Припять вошли 73 канонерских лодки Днепровской военной флотилии, имевшие на борту свыше 4 тыс. солдат. От начальников Полтавского и Черниговского ополчений главнокомандующий потребовал «употребить ополчение на охрану границ губерний с той стороны, которая ближе или может быть ближе к театру войны». В конце сентября на охране «кордонной цепи» находилось около 60 тыс. ратников и казаков Украинского ополчения. Под Рославль прибыл 5-тысячный отряд с 9 орудиями. На Ельню отправился 10-тысячный отряд Калужского ополчения. Таким образом, разгадав замыслы своего противника, Кутузов создал на угрожаемых направлениях превосходство в силах. Фельдмаршал знал о соглашении с Австрией и приказал ни в коем случае «не нарушать границ Австрии, хотя бы Шварценберг, убегая войск наших, и вступил бы в свои пределы». Со своей стороны, венский двор также выполнил условия соглашения. Несмотря на все

домогательства Наполеона, австрийское правительство не дало ему новых войск. Не получил он дополнительных войск из Польши и Саксонии. Важнейшая часть наполеоновского плана не была реализована.

Потерпел провал и его замысел скрытно обойти русскую армию. Получив первое известие об оставлении французами Москвы, Кутузов пришел к выводу, что Наполеон будет стремиться «о изнуренным своим войском... прорваться через Калугу... в губернии... Тульскую, Орловскую, Полтавскую и Черниговскую». Кутузов своевременно выслал войска к Малоярославцу. 12 октября они подошли к городу почти одновременно с передовыми частями «Большой армии». Разгорелся ожесточенный бой. Город восемь раз переходил из рук в руки. Несмотря на яростные атаки, французам не удалось пробиться в южные районы страны. Поэт-декабрист Ф. Глинка образно писал 23 октября 1812 г.: «Вся армия... заслонила собою врата Малороссии». Такую же оценку Малоярославецкого сражения давал М. И. Кутузов. День 12 октября он назвал одним из «знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собой пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлебороднейшие наши провинции». Наполеон вынужден был повернуть с наилучшего пути и отступать по разоренной Смоленской дороге. Страгическая инициатива перешла к русскому командованию.

Расположенные в Могилевской и Смоленской губерниях наполеоновские войска в середине октября также вели наступление в южном направлении. 12 октября 7-тысячный отряд французов, выступивший из Мстиславля, овладел Чечерском и продолжал двигаться на юг. Одновременно из Рогачева на Пропойск наступали четыре полка польской кавалерии и два батальона немецкой пехоты. Крупный отряд двигался по тракту Могилев—Чернигов. Сообщая Кутузову о наступлении противника на Черниговскую губернию, Я. И. Лобанов-Ростовский просил срочно прислать регулярные войска.

В рапорте от 14 октября Ф. Ф. Эртель предлагал Кутузову «идти в Малороссию, чтобы вытеснить из оной грабителей». Фельдмаршал отказал обоим, т. к.

не хотел дробить свою армию и верил в силу Украинского ополчения.

Под Пропойск, Чечерск и в другие угрожаемые места были брошены дополнительные ополченские силы. Совместно с войсками Эртеля они остановили противника, а затем перешли в наступление. Ожесточенные бои шли в районе Рославля. Французские войска пытались здесь наступать на Брянск — Калугу, но были остановлены силами Калужского и Черниговского ополчений. Начальник Черниговского ополчения генерал-лейтенант Н. В. Гудович выслал в Рославль и под Брянск сильный отряд ратников и казаков. Совместно с калужскими ратниками украинские ополченцы разгромили авангард противника и перешли в наступление. 14 октября ополченцы овладели Ельней.

Сосредоточение французских войск на подступах к Черниговской и Калужской губерниям и одновременное их наступление в середине октября в южном направлении не выглядят случайным явлением. По времени это наступление совпало со сражением под Малоярославцем. Это дает основание считать, что из Смоленской и Могилевской губерний наносились вспомогательные удары, с тем чтобы помочь главной наполеоновской армии овладеть Калугой и вторгнуться в украинские губернии. Но и здесь противнику не удалось добиться успеха.

Замысел Наполеона потерпел полный провал. Это хорошо понимали генералы и офицеры французской армии. Лабом писал: «Все опытные военные поняли, что русские разгадали план Наполеона... С тех пор всякий разговор о Калуге и Украине прекратился». Генерал-интендант «Большой армии» Л. Пюибюск сообщал 18 октября из Смоленска своему другу: «Мы потеряли всю возможность взять направление на Калугу и южные губернии, где бы могли найти изобилие и нетронутые места, удобные для отступлений». В 1812 г. на острове Святой Елены Наполеон говорил: «Я хотел двинуться из Москвы в Петербург или же вернуться по юго-западному пути; я никогда не думал выбирать для этой цели дороги на Смоленск и Вильну».

Свое мнение о плане Наполеона на осень 1812 г. Кутузов выразил в семи документах, в том числе в пяти рапортах Александру I. С 28 октября фельд-

маршал с уверенностью утверждал, что, оставив Москву, французский полководец преследовал цель прорваться в украинские губернии, перезимовать здесь, усилить свою армию, а весной 1813 г. возобновить военные действия. Наиболее полно Кутузов охарактеризовал замыслы Наполеона в рапорте царю от 7 ноября: «С самой той минуты, как неприятель после разбития 6-го числа прошедшего месяца (в Тарутинском сражении.— Б. А.) решился оставить Москву, должно было прежде думать закрыть коммуникации наши с Калугою и воспрепятствовать ему вход в оную; через которую намерен он был пройти в Орловскую губернию и потом в Малороссию...» Дальновидность М. И. Кутузова как полководца и проявилась в том, что в движении французских войск к Малоярославцу он увидел далеко идущие цели Наполеона. Разгадав его стратегический план, Кутузов твердо и последовательно проводил мероприятия, приведшие к полном краху замыслов французского императора.

Глава IV

УЧАСТИЕ ВОЙСК ЛЕВОФЛАНГОВОЙ ГРУППИРОВКИ В РАЗГРОМЕ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ

§ I. 3-я армия в боях за освобождение Белоруссии и Литвы

В середине октября 1812 г. на всех театрах Отечественной войны русские войска перешли в наступление с целью разгрома наполеоновской армии. «Одна и главнейшая цель всех наших действий,— писал М. И. Кутузов П. Х. Витгенштейну,— есть истребление врага до последней черты возможности». Одержав победу под Малоярославцем, фельдмаршал повел свою Главную армию параллельно движению

войск противника, а «летучим» отрядам приказал наносить удары в голову и фланги отступающих вражеских колонн. Параллельным преследованием Кутузов обеспечивал безопасность Украины, откуда русская армия получала материальные ресурсы. Главнокомандующий был уверен, что «бегущий неприятель не посмеет более кинуться в полуденные губернии наши».

Упорное нежелание П. В. Чичагова следовать на главную коммуникацию Наполеона вынудило Кутузова принять решение осуществить окружение и разгром вражеских войск без 3-й армии. Вместо нее фельдмаршал решил привлечь корпуса Витгенштейна и Эртеля. Был изменен и район окружения противника. Теперь Кутузов планировал нанести окончательное поражение врагу не на Днепре, а «между Днепром, Березиною и Десною».

15 октября начался второй этап контрнаступления 3-й армии. Оставив под Брестом 18-тысячный корпус Ф. В. Остен-Сакена, Чичагов с 30-тысячным войском выступил на Минск. На пути его следования не было крупных вражеских войск, тем не менее 3-я армия двигалась медленно. В письме царю адмирал так объяснял свою медлительность: «В первые 4—5 дней я делал только самые маленькие переходы, чтобы видеть, последует ли он (Шварценберг.—Б. А.) за мной».

Группировка Шварценберга пополнилась 15 октября дивизией генерала Дюрютта и возросла до 67 тыс. солдат. Она располагалась за Бугом в районе Дрогичина, а 17 октября переправилась на правый берег реки. Узнав об этом, Чичагов остановился в Пружанах, где простоял четыре дня. В рапорте от 20 октября адмирал заверил главнокомандующего, что овладеет Минском до 7 ноября.

29 октября Чичагов получил послание Александра I, в котором ему предписывалось неукоснительно выполнять оперативный план. «Вы понимаете,— писал царь,— насколько важно ваше соединение с графом Витгенштейном в районе Минска и Борисова для создания фронта против армии Наполеона... В ваших возможностях выбрать наиболее действенные меры, чтобы не допустить выхода Наполеона к границам и стараться разбить его армию». Понимая, что дальнейшее промедление чревато большими последствиями,

ми, Чичагов заторопился. Теперь армия проходила за день по 30—35 верст. Адмирал приказал Остен-Сакену действовать в тыл войск Шварценберга, если они двинутся за 3-й армией, а Эртелю предписал следовать в Минск.

Движение 3-й армии на Минск для наполеоновских генералов было полнейшей неожиданностью. Высланный ей навстречу Брониковским 5-тысячный польский отряд был полностью разгромлен. Русские войска взяли в плен 65 офицеров и 3870 рядовых, отбили 2 орудия и 2 знамени. Узнав о движении русских войск к Минску, Наполеон приказал корпусу маршала Н.-К. Удино, усиленному дивизией кирасир и 100 орудиями, немедленно следовать к городу и организовать его оборону. До подхода этих войск Минск должны были защищать гарнизонные войска и маршевые части, на помощь которым следовала 17-я дивизия Домбровского. По словам адъютанта Наполеона генерала Ф. П. Сегюра, Брониковский «мог сформировать в Минске армию в 30 тыс. человек». Войска Шварценберга должны были ударить в тыл 3-й армии. Сам Наполеон рассчитывал также двинуться в Минск. 9 ноября он писал Маре: «Сообщите принцу Шварценбергу, что я отправляюсь в Минск, и что я на него рассчитываю». Сегюр пишет, что император не уставал повторять: «Нужно как можно быстрее достичь Минска». Известие о наступлении 3-й армии вызвало панику в наполеоновских войсках. Е. Лабом писал в эти дни в своем дневнике: «Русская волынская армия отодвинула кн. Шварценберга за Буг, идет на Минск и двигается на нас. Если только эти известия верны, думал каждый про себя, то положение наше ужасно...».

Отдавая распоряжения об обороне Минска, Наполеон не знал, что действует впустую: 4 ноября авангард 3-й армии занял город. Бросив все запасы и более 2 тыс. раненых, остатки гарнизона во главе с Брониковским в панике бежали. Недалеко от Минска Брониковский встретил дивизию Домбровского, но польские генералы не решились атаковать русских и двинулись в Борисов. В Минске русские войска захватили 2 млн. рационов продовольствия, 2600 новых ружей, большие запасы снарядов, пороха и патронов. Наполеон лишился крупнейшей своей базы.

Сообщение о падении Минска произвело на фран-

цузского полководца ошеломляющее впечатление. «Император, потеряв вместе с Минском все свои склады, на один момент был ошеломлен этим известием», — свидетельствует А. де Коленкур. Но Наполеон еще надеялся отбить город. 10 ноября он потребовал от Удино «расчистить себе путь штыками». Ему должен был содействовать корпус Виктора, а Домбровский занять дорогу, ведущую к Березине. Об отходе на Вильно Наполеон еще не помышлял.

Рапорт Чичагова от 20 октября поступил в Главный штаб 3 ноября. Наступление 3-й армии на Минск чрезвычайно обрадовало Кутузова. Учитывая сложившуюся военно-стратегическую обстановку, главнокомандующий решил изменить место нанесения Наполеону решающего удара. Пересылая 4 ноября рапорт Чичагова Александру I, он писал: «Сие движение обещает самые щастливые последствия, ибо от Минска только 2 марта до Борисова — место, где предполагается общее объединение всех сил». Таким образом, Березина была третьим районом, где Кутузов намеревался нанести противнику окончательное поражение.

Эти изменения были вынужденными. Дело в том, что ни Витгенштейн, ни Эртель не выполнили приказов Кутузова о сосредоточении своих войск в междуречье. Витгенштейн оправдывал свой отказ тем, что ему противостоят крупные вражеские силы, а Эртель мотивировал свое бездействие тем, что «стоявшие в Мозыре и Петрикове мосты были разорваны идущим по реке льдом». К тому же, Чичагов, как говорилось, приказывал Эртелю следовать на соединение с его армией. 1 ноября адмирал снова предписал этому генералу, «не взирая ни на какие препятствия, следовать немедленно к назначенному пункту» и предупреждал, что отсутствие его корпуса в Минске и Борисове может «расстроить общий план военных действий». 2 ноября Чичагов доложил Кутузову о невыполнении Эртелем его предыдущих приказов и заключил: «Генерал-лейтенант Эртель за ослушание будет предан воинскому суждению». Как это ни парадоксально, Эртель относился к приказам Чичагова точно так же, как последний — к приказам Кутузова. Но если Кутузов проявил выдержку, то адмирал действовал решительно: 7 ноября он отстранил Эртеля от занимаемой должности и отправил

его в Главный штаб «для предания суду». Командующим корпусом был назначен генерал-майор А. С. Тучков.

Кутузов торопил Чичагова овладеть Борисовом, чтобы заблаговременно подготовить оборону на Березине. Так, 6 ноября он писал: «Поспешите, ваше превосходительство, к общему содействию, и тогда гибель Наполеона неизбежна». Чтобы установить связь с 3-й армией, фельдмаршал направил рейдовые отряды Давыдова, Ожаровского, Орлова и Сеславина. Но адмирал не спешил. Лишь к 7 ноября он направил в Борисов свои войска. Задержка Чичагова в Минске позволила противнику сосредоточить в Борисове около 10 тыс. войск, хотя раньше здесь было едва 1,5 тыс.

9 ноября развернулся ожесточенный бой за Борисов. Ценой больших потерь (600 убитых и 900 раненых) русские войска овладели городом. Противник потерял до 2 тыс. убитыми, 3 тыс. пленными. В качестве трофеев русским достались 8 пушек, 2 знамени, 3,5 тыс. ружей. У командования 3-й армии еще было время укрепить правый берег, уничтожить мосты и гати, т. к. основные силы Наполеона находились в четырех переходах от Борисова. Чичагов ничего этого не сделал. Мало того, адмирал перевел армию на левый берег и решил следовать навстречу Наполеону, чтобы «раздавить его между собой и Кутузовым». Эти действия Кутузов считал ошибочными.

Наполеон узнал о сдаче Борисова 10 ноября. Ярости его не было предела. От корпусов Удино и Виктора он потребовал во что бы то ни стало отбить город, а своим изнуренным войскам приказал ускорить движение к Березине.

Березинская операция подробно освещена в литературе. Историки много пишут об ошибках Чичагова и Витгенштейна, в результате которых Наполеону с остатками своих войск удалось вырваться из окружения. Но при этом авторы опускают ряд важных моментов. Например, Л. Г. Бескровный считает, что в ходе Березинской операции стратегическое окружение не переросло в тактическое, а поэтому Наполеону удалось прорваться. Это заключение верно лишь отчасти. Действительно, стратегическое окружение не переросло в тактическое, но и в такой ситуации французской армии был нанесен жестокий урон. После

сражения на берегах Березины было подобрано более 24 тыс. трупов французских солдат и офицеров. С 16 по 20 ноября русские войска взяли в плен пять генералов, 427 офицеров и 23500 рядовых, отбили 22 орудия и 4 знамени. Кроме того, тысячи французов потонули в реке. Инженер-генерал-майор Ферстер доносил Кутузову, что Березина «так завалена мертвыми телами и лошадьми, что местами можно было по них идти пешком через реку».

Следовательно, в ходе Березинской операции национальная армия как организованная военная сила была уничтожена. Что касается спасения Наполеона и нескольких тысяч солдат и офицеров, то это могло произойти и в том случае, если бы стратегическое окружение переросло в тактическое. Кстати, задача пленить Наполеона не выдвигалась. Об этом мечтал лишь Чичагов: при подходе к Минску он издал специальный приказ о поимке французского полководца, в котором привел его приметы.

Главное значение ошибок Чичагова заключается в том, что не был выполнен кутузовский план окружения и разгрома врага на Днепре или в междуречье. Но необходимо подчеркнуть, что адмирал, точно также, как Витгенштейн, Эртель и другие генералы, выполняли волю своего императора. Вмешательство Александра I в руководство войсками — главная причина затяжки войны.

Сосредоточив все внимание на ошибках П. В. Чичагова, наши историки не освещают боевые действия 3-й армии; не определяют ее вклад в разгром врага. А между тем ее солдаты и офицеры самоотверженно выполняли свой воинский долг. Значение 3-й армии заключается прежде всего в том, что, освободив значительную территорию Белоруссии, овладев Минском и Борисовом, она заставила Наполеона отказаться от плана зимовать в России, положила конец антирусским акциям польско-литовской шляхты в Белоруссии. Выйдя к Березине, 3-я армия преградила путь отступления французам на запад. В течение трех суток — 14—16 ноября — ее малочисленные отряды сдерживали яростные атаки обреченных на гибель национальных солдат, что позволило русскому командованию стянуть к Березине основные силы и нанести французской армии жестокое поражение. По данным «Журнала военных действий» 3-й армии, на

берегах Березины она истребила 5970 вражеских солдат и офицеров, пленила одного генерала, 24 офицеров и 5716 солдат, отбила 22 орудия, 2 знамени и 29 фур с боеприпасами и снаряжением. Всего же за время наступления на Минск и Борисов и боев на Березине 3-я армия (без корпусов Остен-Сакена и Эртеля) вывела из строя более 26 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе 16,5 тыс. взяла в плен, отбила 32 орудия, 6 знамен, захватила огромные запасы вооружения, продовольствия и снаряжения наполеоновской армии. За тот же период потери 3-й армии составили около 8 тыс. человек.

В исторической литературе слабо освещен заключительный этап войны — с 18 ноября по 21 декабря, при этом совершенно не рассматривается план французского командования.

Несмотря на катастрофическое поражение на Березине, Наполеон не считал войну проигранной. Свои надежды остановить русское наступление он связывал с Вильной, которую, по словам Коленкура, «считал землей обетованной», и с фланговыми группировками; особые надежды он возлагал на войска под командованием К. Шварценберга. Иллюзии императора поддерживал его министр иностранных дел. 21 ноября Наполеон получил его послание из Вильно. Маре нарисовал довольно радужную картину: под Вильно сосредоточено до 10 тыс. хорошо вооруженных солдат, такое же число находится в резерве, в Польше быстрыми темпами идет формирование 15 тыс. легких войск, австро-саксонские войска выступили на встречу «Большой армии». «Император был очень доволен сообщением Бассано», — пишет Коленкур.

Есть основания считать, что бодрость Наполеона была показной. Хотя в России находилось еще не менее 150 тыс. французских войск, они были разбросаны на огромной территории, и создать из них в короткий срок армию не представлялось возможным. Поэтому Наполеон пришел к выводу оставить войска, выехать в Париж и начать организацию новой армии. Впервые о своем решении он уведомил Маре 17 ноября. Он не отменил его и после получения оптимистического доклада своего министра: 24 ноября Наполеон покинул войска, поручив командование ими маршалу Миорату.

Перед отъездом французский полководец прика-

зал организовать оборону Вильны и Варшавского герцогства, где должно было сосредоточиться 120 тыс. войск, в том числе группировка Шварценберга, и двинуть в Россию новые контингенты австрийской армии. 29 ноября он писал Маре: «Прикажите Отто сделать так, чтобы 30 тыс. солдат, находящихся в Трансильвании и Венгрии, перешли в наступление на Волынь». В послании Францу I от 2 декабря Наполеон настаивал уже на выделении 60 тыс. войск. Французский полководец был уверен в успехе. «Русские дорого заплатят за свои успехи,— заявил он Прадту, покидая Варшаву.— Не пройдет и трех месяцев, как я вернусь на Вислу с 300-тысячным войском».

М. И. Кутузов прекрасно понимал важность фактора времени. От своих войск он требовал преследовать французов «неутомимо» и «стремительно». Важную роль в своих планах фельдмаршал отводил войскам левофланговой группировки. На 3-ю армию была возложена задача преследовать противника от Березины, а корпус Остен-Сакена должен был сковать войска Шварценберга, чтобы они не соединились с остатками главной армии Наполеона. 25 ноября Кутузов предложил Александру I остановить свою уставшую Главную армию для отдыха, а преследование врага возложить на 3-ю армию и корпуса Витгенштейна и Платова. Видимо, опасаясь, что Чичагов не сможет обеспечить выполнение этой задачи, главнокомандующий выехал в его штаб и возглавил лично войска. Главную армию он временно подчинил А. П. Тормасову.

План Кутузова был успешно выполнен. 3-я армия, насчитывавшая 24 тыс. человек, нанесла противнику ряд жестоких ударов и 28 ноября овладела Вильной. Ее части первыми перешли границу. В «Журнале военных действий» 3-й армии говорится: «...4 и 5 чисел декабря российские знамена разевались за пределами своего Отечества, в княжестве Варшавском и на границе Пруссии». Следовательно, широко распространенное мнение о том, что русские войска вступили на вражескую территорию 1 января 1813 г., не соответствует действительности.

За 19 дней преследования врага от Березины до границы 3-я армия пленила 6 генералов, 747 офицеров и 42633 рядовых, отбила 297 орудий, 4125 фургонов с боеприпасами и провиантом, 8 знамен и мас-

су военного снаряжения. В ее «Журнале военных действий» отмечалось, что почти таковое же число людей (противника.— Б. А.) осталось на дороге убитыми и замерзшими». В военно-стратегическом обзоре кампании за декабрь 1812 г. М. И. Кутузов подчеркнул особую роль 3-й армии в уничтожении основных сил Наполеона и в срыве его плана задержать русскую армию под Вильной и на Немане.

§ 2. Могилевская операция

Вынужденный отступать по разоренной Смоленской дороге, Наполеон не отдал приказ об отходе своим войскам, расположенным в Южной Белоруссии. Здесь у него находилось не менее 25 тыс. солдат. Активную поддержку оккупантам оказывали местные помещики, особенно Могилевской губернии. Это была единственная губерния, дворянство которой в 1812 г. присягнуло на верность французскому императору. Почти все взрослые дворяне вступили во «всеобщее ополчение», насчитывающее 30 тыс. человек.

Военным и политическим центром французских захватчиков и их пособников являлся Могилев. Это была вторая по величине (после Минска) продовольственная база Наполеона. Здесь хранился провиант, которого было достаточно на 10 дней для 100-тысячной армии, и размещался крупный госпиталь. В Могилев прибыли отряды шляхты из Литвы. Все это привело к тому, что обстановка на северной границе Украины обострилась. Противник снова овладел Рогачевом, Журавичами и сосредоточил значительные силы под Чечерском. Вражеские войска вторглись в Киевскую и Черниговскую губернии. Н. В. Гудович доложил М. И. Кутузову о создавшейся обстановке.

Получив тревожное сообщение, главнокомандующий принял решение ликвидировать наполеоновскую группировку в Южной Белоруссии. Для ведения операции, конечным пунктом которой был Могилев, фельдмаршал назначил около 80 тыс. войск: 10-тысячный отряд Калужского ополчения должен был наступать на Могилев с юго-востока, Черниговско-Полтавское земское ополчение, усиленное конными казачьими полками,— с юга, армейский рейдовый отряд А. П. Ожаровского — с севера.

Позже к операции были подключены партизанские отряды Д. В. Давыдова и А. Н. Сеславина. Начальником объединенного Черниговско-Полтавского ополчения был назначен Н. В. Гудович. Приказывая ему как можно быстрее овладеть Могилевом, дежурный генерал Главного штаба П. П. Коновницын 22 октября писал: «Сей успех доставит армии величайшую пользу, и, прославляющий ополчение, зависит от быстроты и решительности».

Выделение крупных сил, детально разработанная операция по окружению группировки французских войск в районе Могилева — все это говорит о том, что освобождение Южной Белоруссии являлось частью стратегического плана Кутузова. Во всех приказаниях о наступлении на Могилев подчеркивалась важность этой операции. В приказании на имя Д. В. Давыдова говорилось: «Генерал-адъютант граф Ожаровский, генерал-лейтенант Шепелев (начальник Калужского ополчения.— Б. А.) и Черниговское ополчение — все направлены на Могилев, ибо овладение оного есть самая большая важность для армии». Зная о наличии в Могилеве большого количества продовольствия, фельдмаршал не исключал возможности отступления к городу всей наполеоновской армии. Параллельным движением своих войск он рассчитывал, по его словам, «пресечь к оному (Могилеву.— Б. А.) совершенно путь».

Получив 25 октября приказ Главного штаба, Гудович стал деятельно готовиться к походу. Предстояло сосредоточить ратников, навести переправы через Днепр и Сож, дождаться подхода Полтавского ополчения, части которого находились в пути. 2 ноября Украинское ополчение, имея в авангарде бугских и черниговских казаков, приступило к выполнению приказа главнокомандующего. Каждый населенный пункт приходилось брать с боями. Особенно упорные бои шли под Пропойском, Журавичами и Быховом. Так, бой за Журавичи, в котором находилось до 2 тыс. французских солдат, продолжался два дня. В походах и боях ратники показали образцы смелости и стойкости. Полуголодные, плохо одетые и вооруженные, они, по словам майора М. П. Подгайского, «находясь в действующей линии боев, соблюдали всю долженствующую дисциплину и послушание».

Предположение Кутузова о том, что Наполеон

двинет свои войска в Могилев, подтвердилось. 30 октября французский полководец приказал А. Л. Бертье: «Напишите принцу Понятовскому, что он со своим корпусом должен идти в Могилев». Об этом приказе Кутузов узнал 31 октября. В тот же день он приказал генералу М. А. Милорадовичу со 2-м пехотным и 1-м кавалерийским корпусами «идти вслед за неприятелем через с. Лапнево, Перекладово до Червонного». Отрядам Давыдова и Орлова-Денисова фельдмаршал предписал «упредить головы колонн» польского корпуса и «стараться затруднить марш».

Приказы были выполнены. 1 ноября отряд Сеславина внезапно напал на авангард поляков и разбил его. Поняв, что движение корпуса обнаружено, Понятовский повернулся на Смоленск.

Несмотря на осенние дожди и тяжелые дороги, украинские ратники и казаки успешно выполняли приказ Кутузова. Враг отчаянно сопротивлялся. Так, под местечком Сверстие отряд ополченцев разбил батальон пехоты и эскадрон кавалерии врага. В бою за с. Гадиловичи 3-й Бугский полк разгромил пехотные части в составе 300 человек и два эскадрона кавалерии. В бою за Быхов отвагу и мужество проявил командир эскадрона 3-го Черниговского казацкого полка А. С. Демченко, который первым бросился на вражескую колонну, подав пример своим подчиненным. За боевые подвиги 14 казаков этого полка были отмечены военными наградами.

Население Белоруссии радостно встретило своих освободителей, оказывая им разностороннюю помощь. Белорусские партизаны блокировали в селах вражеские гарнизоны, уничтожали небольшие отряды врага и обозы. Некоторые села были освобождены силами белорусских партизан. Так, еще до подхода ратников и казаков Украинского ополчения местные жители изгнали захватчиков из сел Староселье, Можаны, Клевны и Есьмолов Могилевской губернии. Белорусы по-братски делились с русскими солдатами и украинскими ополченцами запасами продовольствия, отдавали им лошадей, теплую одежду и обувь, становились разведчиками и проводниками. Активная поддержка населения способствовала быстрому освобождению Белоруссии.

9 ноября Кутузов получил агентурное сообщение

о том, что Наполеон намеревается усилить гарнизон Могилева. Фельдмаршал приказал ускорить занятие Могилева. «Весьма необходимо занять сей город,— предписывал он 9 ноября Д. В. Давыдову,— ибо, овладев оным, найдет армия хотя на несколько дней всякого продовольствия, и рассеять вредное для нас правительство, устроенное неприятелем в сем городе».

В то время как Украинское ополчение наступало на Могилев, 3-я армия освободила Борисов. Путь отступления наполеоновским войскам на запад был отрезан. Предусматривая возможность отхода противника южнее Борисова, Кутузов 10 ноября направил П. В. Чичагову распоряжение, в котором указывал, что Наполеон, возможно, будет двигаться в этом направлении и «захочет пробраться на Волынь, для чего не излишне было бы наблюдать его партизанами»... Украинское ополчение получило дополнительное задание — переправиться через Днепр, соединиться с 3-й армией и прикрыть Волынь с северо-востока. На выполнение этой задачи Гудович выделил 15 тыс. ратников, два казацких полка и два орудия, а с остальными силами ускорил движение на Могилев.

12 ноября партизаны А. П. Ожаровского ворвались в Могилев, а через два дня в город вступил авангард Украинского ополчения. Одновременно была установлена связь с войсками 3-й армии. 17 ноября Гудович рапортовал в Главный штаб: «...Воля светлейшего (Кутузова.— Б. А.) исполнена и Могилев занят посланным от меня отрядом... Оставя же в самом городе несколько тысяч пеших, в Беляничи выведено немалое количество пехоты, 2 пушки и для разъезда к Борисову и сообщения с войсками под командою адмирала Чичагова 10 эскадронов казаков». Таким образом, оба приказа Кутузова были выполнены.

Значение Могилевской операции трудно переоценить. В ходе ее были освобождены Южная Белоруссия и часть Смоленской губернии, ликвидирована крупная база снабжения французской армии в Могилеве. В письме Маре от 18 ноября Наполеон сообщал, что активные действия русских войск сорвали его намерение остановить армию «в Смоленске, Витебске, Орше и Могилеве». Ликвидировав вражескую группировку в Южной Белоруссии, русское командование обезопасило Киевскую и Черниговскую гу-

берни. По поручению Кутузова Коновницын 18 ноября писал киевскому гражданскому губернатору А. Л. Санти: «По настоящему положению наших дел положение Киевской крепости совершенно безопасно, и неприятель ни с какой стороны угрожать уже не может». Коновницын предписывал «объявить» об этом жителям Киева и «совершенно их успокоить».

Дворянская и буржуазная историографии утверждали, что в 1812 г. ополчения выполняли лишь оборонительные функции. Например, А. К. Кабанов писал, что «расчитывать на удачный результат ополчения в дальних губерниях не приходилось». Действия Черниговско-Полтавского и Калужского ополчений — лучшее опровержение этого неверного утверждения. За время Могилевской операции ополченцы и партизаны вывели из строя около 10 тыс. вражеских солдат и офицеров и оказали регулярной армии, по словам М. И. Кутузова, «величайшую пользу». Могилевская операция служит ярким примером боевого содружества русского, украинского и белорусского народов против захватнической армии Наполеона.

§ 3. Украинские казаки в партизанских рейдовых отрядах

Формирование конных казачьих полков на Украине было закончено к концу августа. Однако до октября казачьи полки, кроме Черниговских и Бугских, не участвовали в боевых действиях. Бездействие украинских казаков было обусловлено рядом причин. Во-первых, в полках ощущался острый недостаток оружия, особенно огнестрельного. Генерал-губернатор Малороссии сообщал царю о том, что «многие из полков медлят с выступлением больше по недостатку, кроме пик, оружия». Во-вторых, в полках не хватало командного состава. Так, в 6-м Полтавском полку 10 гражданских чиновников исполняли обязанности офицеров, а многие унтер-офицерские должности занимали рядовые казаки. Некомплект командного состава объясняется тем, что дворяне, выбранные и назначенные дворянскими собраниями, не являлись на службу.

М. И. Кутузов, готовясь к переходу в контрнаступление, уделял значительное внимание Украинскому ополчению. В предписании фельдмаршала от 20 сен-

тября на имя Я. И. Лобанова-Ростовского говорилось: «...Сформированные на Украине полки должны быть направляемы чрез Орел на Калугу; для охранения же Черниговской губернии и обеспечения разных заведений весьма согласен, чтобы два или три из тех полков были там оставлены и употребляемы по вашему благоусмотрению».

Приказ о следовании под Калугу получили только 8 Полтавских полков: Черниговские полки были оставлены на охране своей губернии, Украинское казачье войско предназначалось для усиления 3-й армии, а 4-й Полтавский полк находился в Киеве. С 25 сентября Полтавские полки выступили в поход на соединение с главными силами русской армии и в середине октября поступили под непосредственное командование М. И. Кутузова. В общей сложности они насчитывали около 10 тыс. казаков. Узнав, что в полках мало офицеров, фельдмаршал приказал Лобанову-Ростовскому вызвать дворян в полки под угрозой лишения их дворянского достоинства.

Украинские казаки рвались в бой. Так, командир 6-го Полтавского полка надворный советник Н. Свечка обратился к Кутузову с рапортом, в котором просил включить его полк в действующую армию: «Стремление мое и всего полка было единственою целью, чтобы достигнуть намерения ратоборствовать в общих армиях против враждебных сил неприятельских в виду главнокомандующего». Просьба Н. Свечки и других командиров полков была удовлетворена. От Малоярославца французскую армию преследовал «летучий корпус», который, по словам Кутузова, состоял «из новоприбывших полтавских казаков, перемешанных с донскими казаками».

Украинское казачье войско выступило на соединение с 3-й армией 7 сентября. Полки шли форсированным маршем и в конце сентября поступили под командование А. П. Тормасова. Всего украинская дивизия насчитывала 4583 воина. По боевой подготовке она не уступала регулярным частям. Генерал-лейтенант Остен-Сакен, инспектировавший казачьи полки, нашел их «в удивительно хорошем состоянии».

Из шести Черниговских казачьих полков три (2-й, 4-й, 5-й) по приказанию Кутузова поступили в распоряжение Ф. Ф. Эртеля, а остальные использовались для охраны своей губернии. Кроме казачьих полков,

в 3-ю армию и корпус Эртеля влились отряды «лесных казаков» и эскадрон В. П. Скаржинского. Всего в действующую армию накануне или в начале контрнаступления вошло (с учетом трех Бугских полков) около 21 тыс. украинских казаков.

Два Бугских, два Полтавских и три Киевских казачьих полка, а также мелкие подразделения (всего около 8 тыс. бойцов) использовались русским командованием во время контрнаступления в составе партизанских рейдовых отрядов.

Первыми включились в «малую войну» бугские казаки. По приказанию Кутузова 1-й Бугский казачий полк еще 24 августа влился в отряд Д. В. Давыдова. В полку служили смелые и инициативные офицеры: командир полка ротмистр Чеченский, сотники Ситников и Мотылев. Последним двум Давыдов дал блестящую характеристику: «Оба отличной храбости и неутомимой деятельности офицеры».

Получив подкрепление, отряд выступил под Вязьму. Партизаны совершили налеты на транспортные склады с продовольствием и боеприпасами. Бугские казаки участвовали во всех боях, которые вел отряд. Казаки дрались мужественно и умело. Так, 19 сентября группа казаков во главе с ротмистром Чеченским взорвала артиллерийский склад французов в с. Юренево. 4 октября 1-й Бугский полк напал на обоз под Вязьмой. Противник оказал упорное сопротивление. Убедившись в невозможности захватить транспорт лобовой атакой, Чеченский спешил половину казаков и ударили с тыла. «Сей удалый поступок,— отмечает Давыдов,— довершил поражение...» Только в этом бою французы потеряли 375 убитыми и 495 пленными. Казаки отбили 41 фуру с продовольствием. Давыдов представил к награждению знаком Военного ордена 10 казаков.

Действуя на путях отхода французской армии, отряды Сеславина, Давыдова, Фигнера вместе с войсками Орлова-Денисова окружили и взяли в плен бригаду Ожеро. В этом бою отличился 1-й Бугский полк, который разбил под с. Ясмины французский отряд, шедший на помощь Ожеро.

В составе отряда Давыдова 1-й Бугский казачий полк громил французские войска под Могилевом, на р. Березине, преследовал врага до Гродно. За доблесть и героизм полку было вручено знамя с над-

писью «За храбрость», многие офицеры и казаки награждены орденами и медалями, а сотник Ситников — золотой саблей. Ратные подвиги бугских казаков Д. В. Давыдов красочно описал на страницах своего «Дневника партизанских действий». Боевую дружбу русских партизан с ахтырцами, бугскими и донскими казаками воспел поэт-декабрист К. Ф. Рылеев.

2-й Бугский полк сначала находился в партизанском отряде А. С. Фигнера, а в конце октября был переведен в отряд А. Н. Сеславина. К сожалению, сведения о действиях этого полка очень скучны. Так, из рапортов Сеславина известно, что полк участвовал в боях 22 октября под Вязьмой и 26 октября под Дорогобужем, где отличились «мужеством и храбростью» есаул Сарышев, сотник Романовский, урядники Соцков и Кириллов. Смело действовали бугские казаки под Могилевом и Борисовом. Свой боевой путь в Отечественной войне 1812 г. 2-й Бугский полк закончил в Вильно.

Выше уже говорилось о боевых делах 3-го Бугского казачьего полка, прикрывавшего Украину. Подполковник Кленовский, батальон которого взаимодействовал с этим полком, давал ему высокую оценку и в рапорте на имя Александра I просил наградить шесть офицеров и казаков, отличившихся «мужеством, храбростью и неустранимостью... при отражении неприятеля, стремившегося вторгнуться в Малороссию».

По приказанию Кутузова в середине октября был создан рейдовый партизанский отряд генерал-адъютанта А. П. Ожаровского, в который вошли два (3-й и 9-й) Полтавских казачьих полка, два Донских полка, 19-й егерский полк, Мариупольский гусарский полк и шесть орудий конной артиллерии.

20 октября отряд Ожаровского выступил из Юхнова через Ельню к Смоленску и оказался в тылу наполеоновской армии. Уклоняясь от встреч с крупными силами врага, партизаны наносили чувствительные удары по отступавшим войскам, уничтожали заготовленные противником запасы продовольствия, сжигали мосты, портили дороги. Украинские казаки ни в чем не уступали гусарам и донским казакам. Так, в одном из первых боев 9-й Полтавский полк взял в плен до 1000 вражеских солдат и офицеров «без больших потерь со своей стороны». 2 ноября

стремительной атакой партизаны овладели Красным, где захватили крупный обоз и большое количество пленных. В этом бою отличились казаки 3-го Полтавского полка.

Налеты отряда Ожаровского не на шутку встревожили Наполеона. Император выделил для борьбы с партизанами дивизию своей гвардии и приказал окружить дер. Кутьково, где временно остановился отряд Ожаровского, и «нечаянным нападением уничтожить партизан». Несмотря на внезапное нападение превосходящих сил противника, русские и украинские воины не растерялись. Рассыпавшись, егеря открыли меткий огонь по наступавшим тремя колоннами гвардейцам, а казаки и гусары ударили во фланг. Французы дрогнули и побежали. Но на помощь врагу двигался еще один отряд, и Ожаровский отдал приказ отойти в дер. Палкино. Противник пытался преследовать партизан, но был остановлен егерями.

6 ноября 3-й Полтавский полк был откомандирован Ожаровским в штаб русской армии. За полмесяца боевых действий полк потерял убитыми и ранеными до половины своих бойцов.

8 ноября партизаны атаковали местечко Козян, где «более 1000 человек положив на месте убитыми, овладели 4 орудиями с ящиками, наполненным зарядами, множеством обоза и 600 пленных». Как уже говорилось, отряд Ожаровского сыграл важную роль при освобождении Могилева. Узнав от жителей о том, что французы готовятся сжечь город и продовольственный склад, командир отряда приказал егерям сесть на коней украинских казаков и мчаться в Могилев. Стремительная атака партизан спасла город от гибели.

Киевские казаки совершили рейд по глубоким тылам противника. 20 октября три Украинских полка полковника Витте и Донской полк полковника Исаева переправились в районе Бреста через Буг. Двигаясь по левому берегу реки, казаки уничтожали продовольственно-фуражные базы, истребляли мелкие гарнизоны, разгоняли рекрутские команьды, срывали снабжение корпусов Шварценберга и Ренье, распространяли среди польского населения прокламации, напечатанные для этой цели в штабе 3-й армии. Стычки и перестрелки иногда перерастали в

серьезные бои. Так, 26—27 октября украинские и донские казаки вели бой с дивизией Косинского, который вторгся на Волынь.

В начале ноября казачья дивизия получила приказ углубиться на территорию Польши. Казаки, громя польские и французские гарнизоны, доходили до Варшавы. Участник рейда подполковник И. Похвицнев вспоминал впоследствии: «Генерал-майор Витте (чин генерала он получил за этот рейд.—Б. А.) с командаляемым им отрядом по вступлении в неприятельские границы герцогства Варшавского находился в оном более месяца, где, имея сражения, проходил разные города и селения, бывши притом в ближайшем расстоянии столичного г. Варшавы, препятствовал их правительству формировать войска, останавливал их вступление в границы России для соединения с войсками Шварценберга и Ренье, истребляя заготовляемое оружие, провиантские магазейны и разбивая отряды, множество взято в плен...»

Напуганное действиями партизан, польское правительство бросило на их уничтожение около 8 тыс. пехоты и кавалерии с 8 орудиями. Под г. Лосницы враг пытался окружить казачьи полки. Но казаки смело атаковали противника. Потеряв около 350 человек убитыми и пленными, враг отступил.

10 ноября под Менджиричами дивизия выдержала серьезный бой с 3-тысячным отрядом французов. Противник был разбит наголову. В бою 20 ноября казаки рассеяли тысячный отряд французов и поляков, спешивший на помощь Шварценбергу.

1 декабря дивизия получила приказ вернуться в Брест. Подводя итоги рейда, И. О. Витте рапортовал Ф. В. Остен-Сакену: «...В Люблине два раза ожидали моего прибытия... Наконец неприятель нашелся вынужденным оставить перед Варшавой один из своих отрядов». Во время рейда казаки взяли в плен несколько тысяч солдат и офицеров, захватили 26 орудий и уничтожили ряд крупных баз снабжения. Велико было и политическое значение рейда: польский народ все больше убеждался в полном крушении авантюристической политики Наполеона.

Высокую оценку ратным подвигам украинских казаков дал генерал-лейтенант А. Ф. Ланжерон: «В продолжении всей нынешней кампании 1, 2 и 3 Украинские казачьи полки, быв более чем в 30-ти важных

делах, оказали отличную храбрость и искусство». За эти подвиги все три полка получили от командования серебряные трубы, что для кавалерийских частей считалось в то время высокой наградой.

И. Похвиснев сообщает, что во время рейда воины-украинцы сложили «Песнь украинских козаков», в которой были такие строки:

Веселися, козак, службой
И не думай горевать;
Главный вождь у нас Кутузов,
Так о чем нам унывать?

Мы с ним рады куда хочешь,
Рады в воду, в огнь идти;
За свою землю готовы
Умереть иль победить.

4-й Украинский казачий полк, не принимавший участия в рейде, выдержал жестокий бой с превосходящими силами врага под Пружанами. 8 ноября австрийские войска численностью до 4 тыс. нехоты и кавалерии при 4 орудиях окружили полк. «Атака длилась более 5 часов,— докладывал командир полка майор Миницкий Чичагову,— были мы совершенно опрокинуты, тогда австрийский чиновник, подъезжая к полку, предлагал, чтобы полк сдался в плен...» На это предложение казаки отвётили пулями. Собрав последние силы, они бросились в атаку и прорвали кольцо окружения. На поле боя осталось убитыми свыше 400 казаков. После этого боя 4-й Украинский казачий полк был направлен в Кобрин, где до конца войны нес караульную службу.

Эскадрон казаков под командованием В. П. Скаржинского вошел в состав отряда генерал-майора Н. И. Лидерса. Этот отряд три недели осуществлял рейды по тылам французской армии, смело нападая на обозы и отдельные части, двигавшиеся по дороге Борисов—Вильно. В составе отряда Лидерса эскадрон преследовал остатки французских войск от Березины до Ковно и принимал участие во многих боях. Русское командование высоко оценило боевые заслуги эскадрона, наградив его специальной грамотой.

Существенную помощь русской армии оказали «лесные казаки». Они прекрасно ориентировались на

местности, хорошо владели оружием, были смелыми разведчиками и связными.

Таким образом, ополченские части Украины приняли активное участие в партизанской войне и внесли весомый вклад в разгром наполеоновской армии.

§ 4. Заключительный этап войны на Юго-Западном театре

На заключительном этапе войны боевые действия на Юго-Западном театре протекали своеобразно. Первая особенность заключалась в том, что в октябре — ноябре вражеские войска действовали наступательно.

18 октября К. Шварценбергу стало известно о движении войск П. В. Чичагова на Минск. На военном совете наполеоновские генералы приняли такой план: австрийский корпус двинется за войсками Чичагова с целью задержать их; корпус Ренье и дивизия Дюрютта будет прикрывать тыл Шварценберга и одновременно сковывать корпус Остен-Сакена; дивизии Косинского было приказано вторгнуться на Волынь в районе Устилуга. 20 октября все вражеские войска приступили к реализации плана.

Генерал Остен-Сакен основные силы своего корпуса сосредоточил в Высоко-Литовске. Для защиты Волыни он послал отряд под командованием Мусина-Пушкина. Как говорилось, в Польшу вторглась дивизия украинских и донских казаков. Рейдовые отряды Мелиссино и Гампера действовали в Белоруссии. Перехваченные документы, показания пленных позволили Сакену верно определить замысел врага. «Шварценберг двигается к Минску, прикрываясь саксонскими войсками», — доносил он Чичагову.

2 ноября австрийцы вступили в Слоним, а войска Ренье и Дюрютта — в Волковиск. Сакен решил атаковать саксонский корпус и тем самым заставить Шварценберга прекратить преследование войск Чичагова. Глухой ночью русские войска ворвались в Волковиск. Нападение для врага было столь неожиданным, что, по словам Сакена, «Ренье и Дюрютти спаслись, выпрыгнув в окно прямо в рубашках». Противник потерял более 1 тыс. убитыми и 2 тыс. пленными. 3 ноября бой возобновился. Стремясь ов-

ладеть городом, наполеоновские войска яростно атаковали русские позиции. Но тщетно. В срыве вражеских атак важную роль сыграла артиллерия, которая насчитывала 90 орудий. По образному выражению немецкого историка М. Эхснера, «ярость саксонцев разбилась о мужество русских». Видя тщетность своих усилий, Ренье запросил помочь у Шварценберга. 4 ноября русские войска контратаковали противника и к полудню прорвали его левый фланг. Над войсками Ренье и Дюрютта нависла угроза разгрома. Но в это время в тылу русского корпуса появились войска Шварценберга. Ведя тяжелые арьергардные бои, Сакен начал отступать.

12 ноября корпус Сакена вернулся в Брест, приведя за собой войска Шварценберга, Ренье и Дюрютта. Здесь он получил предписание Чичагова направить в Минск 9 тыс. солдат. Это значительно ослабило корпус, и Сакен принял решение оставить Брест и соединиться с войсками, действовавшими на Волыни. Вражеские войска стали его преследовать, но 17 ноября Шварценберг получил приказ атаковать войска Чичагова. Наполеоновские войска повернули на Слоним. «Но это была горчица после обеда,— иронизировал Сакен.— Моя задача была выполнена с большой пользой для общего дела».

Австрийский историк А. Прокеш-Остен оправдывает промахи Шварценберга тем, что он хотел «быстро разделаться с Сакеном», что он был уверен в силе Виктора, Удино и Сен-Сира, которые без него могли «справиться с Чичаговым и Витгенштейном» и, наконец, тем, что австрийский фельдмаршал не знал истинного положения армии Наполеона. Однако эти объяснения не вяжутся с фактами. Во-первых, Шварценберг, как говорилось, имел четкий приказ Наполеона не допустить движения 3-й армии на его операционную линию. Во-вторых, Прокеш-Остен противоречит сам себе. Он пишет, что Шварценберг хотел «разделаться» с корпусом Сакена, и здесь же приводит данные о потерях союзных войск, которые отнюдь не свидетельствуют об успешном выполнении этой задачи. С 20 октября по 8 ноября в австрийском корпусе выбыло из строя 8200 человек; войска Ренье и Дюрютта потеряли с 19 октября по 13 ноября соответственно 4 тыс. и 8 тыс. солдат и офицеров. Высокие потери дивизии Дюрютта объясняются тем, что

в ней наряду с французами служили немцы, голландцы, испанцы и португальцы. Насильно мобилизованные, они не хотели сражаться за интересы Наполеона. Многие из них добровольно сдавались в плен или разбегались. Остатки дивизии Дюрютта Шварценберг влил в свой корпус.

Успешно справился с заданием и отряд Мусина-Пушкина. 26 октября дивизия Косинского (7 тыс. солдат и 13 орудий) форсировала Буг и захватила Устилуг, но дальше продвинуться не смогла. После двухдневного боя, в ходе которого поляки потеряли более 800 убитыми и ранеными и 6 орудий, Косинский вернулся на свою территорию. К этому его привело не только упорное сопротивление отряда Мусина-Пушкина, но и смелые действия украинских казаков. «Генерал Косинский,— доносил 1 декабря Витте Сакену,— не смел подаваться к Волыни, опасаясь, дабы я на него в тыл не ударил».

Таким образом, корпус Ф. В. Остен-Сакена блестяще справился с заданием. Враг потерял свыше 22 тыс. солдат и офицеров, 32 орудия и 2 знамени. Потери корпуса составили 5 тыс. человек. Действия Сакена получили высокую оценку русских генералов. Так, А. Ф. Ланжерон отмечал, что главной его задачей было «выигранное время» и «он ее исполнил пре- восходно». Скупой на похвалы П. В. Чичагов призна- вал, что «Сакен отлично справился с заданием». Успехи своего корпуса Сакен связывал, во-первых, с мужеством и стойкостью вверенных ему войск и, во-вторых, с поражением Наполеона на Московском направлении. «Победы расстроили намерения саксонцев,— писал он Кутузову.— Да будет вам вечная слава!»

В конце ноября К. Шварценберг получил пополнение из Австрии и Саксонии, и численность его группировки возросла до 40 тыс. солдат и офицеров. 28 ноября он вновь овладел Слонимом. Сопротивление русских войск и отсутствие сведений о главной армии Наполеона вынудили его прекратить военные действия. Ф. В. Остен-Сакен также не проявил активности, опасаясь нового вторжения дивизии Косинского на Волынь.

Получив сведения о численности и направлении движения австро-саксонских войск, М. И. Кутузов создал для борьбы с ними 30-тысячную группировку

под командованием А. П. Тормасова. Предписывая ему «открыть сношения» с корпусом Сакена и «идти по следам Шварценберга», фельдмаршал выражал уверенность в том, что «изгнание главной неприятельской армии имеет последствием.... отступление князя Шварценберга». Это предположение подтвердилось. 1 декабря в Слоним прибыл адъютант Ренье с сообщением о разгроме основных сил французской армии и отъезде Наполеона в Париж. Адъютант передал устный приказ Мюрату отступать для прикрытия Варшавы. Шварценберг и Ренье приняли решение отходить раздельно: австрийцы — на Гродно и Белосток, саксонцы — на Брест. 2 декабря вражеские войска оставили Слоним.

Уже в тот же день А. П. Ожаровский, отряд которого находился в Лиде, донес Кутузову об этом. Одновременно в Главный штаб поступило донесение гражданского губернатора Волыни М. И. Комбурлея, в котором говорилось о напряженной обстановке на западной границе губернии. Ссылаясь на сведения, полученные из-за границы, в частности, от редактора «Львовской газеты», Комбурлей сообщал о требованиях Наполеона двинуть в Россию Трансильванскую армию и корпус Рейсса. Кутузов немедленно отдал приказ Н. В. Гудовичу перебросить на Волынь 30 тыс. украинских ратников и казаков. В рапорте Александру I от 5 декабря главнокомандующий отметил, что «Волынская губерния имеет еще некоторую надобность в усилении ее войсками», и предложил направить 66-тысячное ополчение 3-го округа не в Полтавскую и Черниговскую губернию, как предполагал царь, а на Волынь. Генералу Д. С. Дохтурову фельдмаршал приказал преследовать Шварценберга до Белостока и по возможности воспрепятствовать ему отходить в Пруссию или на Варшаву. Одновременно он отдал приказ усилить корпус Остен-Сакена артиллерией и кавалерией и ввести в Киевскую губернию 14 башкирских конных полков общей численностью 7 тыс. всадников. Таким образом, для обеспечения безопасности украинских губерний, особенно Волыни, Кутузов создал группировку в 120 тыс. ополченцев и солдат.

От отрядов, преследовавших австрийский корпус, Кутузову стало известно, что австрийцы уклоняются от боевых действий. Так, генерал М. А. Милорадович

докладывал: «Австрийцы везде разглашают, что не намерены с нами драться, и когда появляются наши передовые посты, тотчас свои снимают, не сделав ни одного выстрела». 8 декабря австрийцы без боя уступили Гродно Давыдову. 10 декабря фельдмаршал приказал: за австрийским корпусом вести только наблюдение, а польские и саксонские войска «при всякой встрече атаковать».

Командир авангарда Васильчиков вступил в переговоры со Шварценбергом. Выполняя приказ Кутузова, Васильчиков настаивал на отходе австрийского корпуса в Галицию. Шварценберг отклонил это предложение, сославшись на приказ Наполеона прикрывать Варшаву и отсутствие указаний своего правительства. 11 декабря Васильчиков доносил фельдмаршалу: «Шварценберг с часу на час ожидает генерала, посланного им в Вену, который должен привести ему оттуда решительные повеления, до получения коих неминуемо должен будет прикрывать Варшаву». Между русскими и австрийскими войсками было заключено перемирие. 13 декабря корпус Шварценberга оставил Белосток, на другой день в него вступили русские войска, а передовые части переправились на левый берег Буга.

Кутузов не стал настаивать на отеснении австрийского корпуса в Галицию. От командиров передовых отрядов он потребовал «показывать дружеское расположение» к австрийцам и ни в коем случае «не заводить с ними дела». Таким образом, русскому командованию удалось нейтрализовать австрийский корпус. Такова вторая особенность военных действий на Юго-Западном театре в конце войны.

Против саксонских войск русское командование действовало решительно. В бою под Рудней корпус Сакена нанес им чувствительный урон: только убитыми Ренье потерял более 600 солдат и офицеров. При отступлении от Пружан до Кобриня противник потерял еще 500 солдат и офицеров. Но особенно крупные потери Ренье понес в бою около Дрогичина — более 1000 убитыми и столько же пленными. От полного разгрома саксонские войска спасло то, что они вступили на занятую австрийцами территорию. Сакен рапортовал 17 декабря Кутузову: «Шварценберг спас генерала Ренье в Волковиске. Он таким образом и теперь делается его спасителем».

14—16 декабря корпус Сакена форсировал Буг. В те же дни границу перешла группировка Дохтурова. По словам М. И. Кутузова, с середины декабря «началось общее движение в герцогство Варшавское». По данным Главного штаба, в это время за рубежом находилось около 70 тыс. русских войск. Расчеты Наполеона задержать русскую армию на Немане и Буге не оправдались.

21 декабря М. И. Кутузов обратился к армии с приказом об окончании Отечественной войны: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи, каждый из вас есть спаситель Отечества». Фельдмаршал подчеркнул: «Война закончилась за полным истреблением неприятеля». Потери наполеоновской армии составили: убитыми — примерно 350 тыс. солдат и офицеров, пленными — около 200 тыс. человек, в том числе 48 генералов и 4 тыс. офицеров. Русские войска отбили около 1 тыс. орудий. Наполеоновская армия, прошедшая победным маршем по многим странам Европы, на полях России потерпела сокрушительное поражение. Это имело решающее значение для разгрома наполеоновской империи и освобождения народов Европы. «С 1812 г., — подчеркивал В. И. Ленин, — начинается упадок военного могущества Н(аполеона) I»¹³.

§ 5. Роль Украины в снабжении русских войск в 1812 г.

Одной из форм участия украинского народа в Отечественной войне являлось материальное обеспечение армии. Захват противником центральных районов России, удаленность уральских и петербургских заводов от театра военных действий, потеря продовольственно-фурожных баз в западных губерниях страны — все это повысило роль военно-экономического потенциала Юго-Западного края. Его запасами пришлось снабжать не только 3-ю и Дунайскую армии, как намечалось, но и другие войска.

С первых дней войны было налажено снабжение 2-й армии, которая отступала южной дорогой. На крестьянских повозках продовольствие, боеприпасы, порох и различное военное снаряжение доставлялись

¹³ Ленинский сборник, т. XI, М.: Л., 1929, с. 50.

из городов и сел Украины в Пинск, Мозырь, Рогачев, Бобруйск, а оттуда поступали в армию. В перевозке запасов и снаряжения 3-й армии было занято 71 686 крестьянских повозок, из них 5500 выставила Волынь. При отступлении все запасы продовольствия и фуража были вывезены в Киев и Кременчуг.

Снаряжение для Дунайской армии, которая двигалась из Валахии на Волынь, перевозили 2,5 тыс. ездовых на 11 тыс. лошадей и 5,5 тыс. повозок. На всем пути следования украинское население оказывало русским войскам теплый прием и поддержку. Австрийский офицер доносил 7 сентября в Вену: «Войска Чичагова получили в Каменец-Подольске многообразную помощь, за что адмирал благодарил население». В результате хорошей организации и активной помощи населения Дунайская армия успешно преодолела огромное расстояние и сохранила свою боеготовность.

Украинские запасы сыграли важную роль в снабжении главных сил русских войск. После отхода за Москву 1-я и 2-я армии оказались без крупных баз: старые запасы были либо израсходованы, либо находились далеко от расположения войск. Почти не тронутыми остались базы в Киеве, Соснице, Кременчуге. На них и решил опираться Кутузов. Раскрывая сущность Тарутинского марш-маневра, он рапортовал 4 сентября Александру I: «Сие приведет меня в состояние защищать город Тулу, где хранится важнейший оружейный завод, и Брянск, в котором столь же важный литейный двор, и прикрывает мне все ресурсы, в обильнейших наших губерниях заготовленные». По приказанию Кутузова часть продовольствия из Киева была направлена в Мозырь, а другая — в северо-восточные поветы Черниговщины, где в широком масштабе были организованы выпечка хлеба и сушка сухарей для армии. В этом участвовало все население. Житель Сосницкого повета Черниговской губернии сообщал: «В ближайших городах и селениях все обывательские дома были заняты перепеченьем муки на хлебы из казенного в здешнем повете магазина. Перепеченный обывателями хлеб и пересушенный на сухари должен быть отправлен в Калугу». По неполным данным, украинские губернии поставили главным силам русской армии за тарутинский период 50 тыс. четвертей муки, свыше 52 тыс.

четвертей сухарей, около 3 тыс. четвертей круп и 58 тыс. четвертей овса.

Учитывая, что армия будет двигаться по разореннойвойной земле, Кутузов заблаговременно создавал продовольственные базы вблизи предполагаемого маршрута движения — в Речице, Бобруйске, Мозыре. Провиант и фураж сюда доставлялись из украинских баз. В целом к середине декабря армия Кутузова получила с Украины примерно 227 тыс. четвертей муки, около 21 тыс. четвертей круп, 283 тыс. четвертей овса и 64 тыс. четвертей сухарей, а также около 22 тыс. строевых лошадей. В перевозке продовольствия и военного снаряжения было занято свыше 23 тыс. погонщиков, 34 тыс. лошадей, 13 тыс. волов и 25 тыс. подвод. Это позволило русскому командованию не только организовать широкую сеть подвижных магазинов, но и освободить для боевых операций тысячи солдат и строевых лошадей, занятых ранее на транспорте.

Напряженно работали во время войны военные заводы Украины. Особое значение приобрел Шосткинский пороховой завод. После потери московских пороховых заводов он стал главным поставщиком пороха для всех действующих армий и ополчений. В предписании от 28 сентября Кутузов потребовал «умножить годовую препорцию делаемого пороха, ибо все армии по расположению своему будут довольствоваться оним от Шосткинского завода». Пороховщики справились с заданием. Несмотря на то, что часть оборудования была вывезена в Орловскую губернию, они поставили войскам в 1812 г. 24 535 пудов пороха, десятки тысяч готовых зарядов, а также 37 тыс. пудов селитры. В специальном приказе М. И. Кутузов объявил благодарность администрации завода и выдал 1300 руб. для награждения мастеров и рабочих.

Рекордное количество продукции дал в 1812 г. Луганский литейный завод — около 240 орудий и 90 тыс. пудов боеприпасов, т. е. в 1,5 раза больше, чем до войны. Значительно больше продукции, чем в довоенные годы, выпустил в 1812 г. и Киевский арсенал. Здесь было отремонтировано 134 орудия, изготовлено около 40 тыс. ружей и пистолетов, 35 тыс. палашей и сабель. Украинские предприятия отправили для армии тысячи метров сукна, полотна и другое военное имущество.

23 октября Кутузов писал Чичагову: «Прикрываю я моим движением края, из коих к армии все запасы доходить будут». Приведенные данные показывают, что расчеты фельдмаршала оправдались: украинские губернии снабжали армию всем необходимым.

При определении общего вклада экономики Украины в победу над наполеоновскими войсками необходимо учитывать еще следующие обстоятельства. Во-первых, в снабжении русской армии участвовали главным образом шесть украинских губерний. Население Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии во время войны 1812 г. боролось с другим врагом — эпидемией чумы, которая в конце июля охватила весь юг Украины и принесла народным массам неисчислимые бедствия. Во-вторых, огромные средства украинский народ затратил на экипировку, снаряжение и обеспечение 70-тысячного ополчения, которое с момента формирования и до марта 1812 г. находилось на содержании населения. Народные массы не жалели своей трудовой копейки для победы над врагом. Украинские казаки, по словам кн. Н. Г. Репнина, «истощили все денежные у себя капиталы, ибо употребили на сии предметы многие миллионы».

Самоотверженный труд крестьян, ремесленников и работных людей Украины, как и других районов страны, создал материальные предпосылки для победы над армией Наполеона. «В эпоху массовых армий,— указывал Ф. Энгельс,— население стало играть активнейшую роль в войне»¹⁴. Отечественная война служит ярким подтверждением этого вывода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Утверждение буржуазного строя во Франции, созревание в недрах феодальной России капиталистического уклада оказали влияние на все стороны жизни этих стран, в том числе и на военное искусство. Это, в частности, нашло свое отражение в разработке военно-стратегических планов и ведении войны 1812 г. И французское, и русское командование планировали вести ее на огромной территории с привле-

¹⁴ Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1957, с. 542.

чением крупных вооруженных сил. В планах обеих сторон Киевское направление фигурировало как стратегическое. Юго-Западный театр имел протяженность 1300 верст и в этом отношении превосходил другие театры Отечественной войны.

Накануне и в первый период войны Наполеон считал Киевское направление второстепенным, тем не менее уделял ему большое внимание и все время наращивал свои силы. В середине августа на Киев наступало свыше 90 тыс. войск при 204 орудиях. С конца сентября до середины октября французский полководец пытался наступать на Киев своей Главной армией и одновременно приказал австро-польско-саксонским войскам овладеть западными украинскими губерниями. Наполеон намеревался перезимовать на Украине, значительно пополнить свою армию, а весной 1813 г. возобновить борьбу.

Все замыслы Наполеона в отношении Юго-Западного театра войны были сорваны русским командованием, которое сосредоточило в данном регионе крупные силы. Несмотря на многочисленные попытки, войска противника дальше Стыри и Припяти продвинуться не смогли. Контраступление русских войск на левом фланге началось на месяц раньше, чем на центральном направлении. Войска левофланговой группировки освободили значительную территорию Белоруссии и Литвы, вывели из строя более 130 тыс. вражеских солдат и офицеров, из них более половины взяли в плен, отбили 384 орудия, 23 знамени и штандарта, захватили французские стратегические базы в Минске, Могилеве и Вильно.

Казачье и земское ополчение Украины выполняло важные стратегические задачи. На первом этапе войны такой задачей была оборона Черниговской и Киевской губерний. В период борьбы за стратегическую инициативу украинские ратники и казаки при поддержке 2-го резервного корпуса остановили наступление наполеоновских войск, которые из Могилевской и Смоленской губерний пытались оказать помощь армии Наполеона прорваться на Украину.

На Юго-Западном театре, как и на других, партизанское движение включало два типа вооруженных групп — отряды местного населения, в основном крестьян, и рейдовые армейские отряды. В северных уездах Черниговщины широкое распространение получили

такие формы вооруженной борьбы, как кордоны и дружины самообороны. Главная заслуга их заключается в том, что они задержали продвижение французских войск в глубь Украины.

Успешным действиям войск левофланговой группировки способствовал прочный тыл, прочный в двух отношениях — в военно-экономическом и политическом. Экономика Юго-Западного края сыграла важную роль в снабжении русских войск. Левофланговая группировка, численность которой вместе с ополчением составляла около 300 тыс. человек, полностью снабжалась за счет украинских запасов. Значительное количество пороха, боеприпасов, оружия, продовольствия и фуража было направлено в Главную армию. При решении крупнейших стратегических задач М. Б. Барклай-де-Толли и М. И. Кутузов учитывали военно-экономический потенциал Украины.

Политическая обстановка на территории Юго-Западного края в течение всей войны для русских войск оставалась благоприятной. Вторжение наполеоновской армии в Россию вызвало среди его населения, особенно украинского, мощное патриотическое движение, которое было выражением свободолюбия и братской солидарности с русским народом. Формы участия народных масс Юго-Западного края, как и других близких к театру военных действий районов России, были многообразны. Украинские ратники и казаки доблестно сражались с врагом, выполнили ответственные задания Главного штаба русской армии. Многие из них были награждены орденами и медалями. Отечественная война 1812 г. служит ярким примером боевого содружества русского и украинского народов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Классики марксизма-ленинизма

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 14, М., 1973, с. 453.

Маркс К. Новые разоблачения в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 11, с. 551.

Маркс К. Об освобождении крестьян в России.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 12, с. 699.

Энгельс Ф. Военные силы России.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 10, с. 535.

Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 12, с. 615.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 22, с. 30.

Энгельс Ф. Письмо Иосифу Вейдемайеру от 12 апреля 1853 г.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 28, с. 487.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 421.

Маркс К., Энгельс Ф. Барклай-де-Толли.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 92—94.

Энгельс Ф. Бородино.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 14, с. 256—261.

Энгельс Ф. Избранные военные произведения.—М., 1957, с. 542.

Ленин В. И. О брошюре Юниуса.—Полн. собр. соч., т. 30, с. 5—7.

Ленин В. И. Война и революция.—Полн. собр. соч., т. 32, с. 79.

Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться.—Полн. собр. соч., т. 34, с. 176—177.

Ленин В. И. Несчастный мир.—Полн. собр. соч., т. 35, с. 382—383.

Ленин В. И. Заметки из истории войн Наполеона I с Германией.—Ленинский сборник, т. XI. М.; Л., 1929, с. 50.

ИСТОЧНИКИ

Ахлестышев Д. П. Двенадцатый год (1812). Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-й Западной армией генерала от кавалерии А. П. Тормасова.—СПб., 1912.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел, т. 5—6.—М., 1962—1963.

Давыдов Денис. Военные записки.—М., 1982.

Коленкур Арман де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию.—М., 1943.

Кутузов М. И. Сб. док-ов и мат-ов, т. 1—5.—М., 1950—1956.

Листовки Отечественной войны 1812 г. Сб. док-ов.—М., 1962.

Наполеон. Избранные военные произведения.—М., 1956.

Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сб. док-ов.—М., 1962.

Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, т. 1—21.—СПб., 1900—1914.

Сегюр Ф. П. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I.—М., 1913.

Украинский народ в Отечественной войне 1812 г. Сб. док-ов.—Киев, 1948 (на укр. яз.).

Campagne de Russie (1812), t. 1—5. Par L. Fabry. Paris, 1900—1904.

Correspondance de Napoléon 1er, publiée par ordre de L'Empereur Napoléon III, t. 1—32. Paris, 1858—1870.

Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff. Campagnes de la Pologne en 1812. Berlin, 1855.

Pradt D. de. Histoire de l'ambassade dans le Grand-Duché de Varsovie en 1812. Paris, 1815.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Абалихин Б. С. Украинское ополчение 1812 г.—Исторические записки, т. 72, М., 1962; он же. Роль Украины в обеспечении армии в Отечественной войне 1812 г.—В кн.: Вопросы военной истории России XVIII—первой половины XIX вв. Сб. статей. М., 1969; он же. «Львовская газета» и ее связи с русским командованием в 1812 г.—Археологический ежегодник за 1969. М., 1971; он же. Некоторые вопросы стратегии Отечественной войны 1812 г. в советской историографии.—В кн.: Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975; он же. О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 г.—Вопросы истории, 1985, № 2; он же. Геронческая эпоха народного подвига: к 175-летию Отечественной войны 1812 г. М., 1987; он же и Я.Р. Бородино. 1812 год. М., 1987; он же. Контраступление русских войск в 1812 г.: планы и их реализация.—История СССР, 1987, № 4; Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. К. Маркс и Ф. Энгельс—историки Отечественной войны 1812 г.—Вопросы истории, 1987, № 9. Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Новое в изучении истории Отечественной войны 1812 г. М., 1983; Бабкин Б. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962; Бесскровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962; Гарнич Н. Ф. 1812 год. Изд. 2-е. М., 1956; Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е. М., 1974; он же. Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1978; Иванин А. В. Боевое содружество русского и украинского народа в Отечественной войне 1812 г.—Вопросы истории, 1954, № 4; История Украинской ССР в 10 тт., т. 4. Киев, 1983; Некрасов П. А. Участие украинского народа в борьбе против наполеоновского нашествия в 1812 г.—Труды Одесского гос. университета имени И. И. Мечникова, т. 146. Серия исторических наук, вып. 5. 1956; Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966; Тарле Е. В. 1812 год. Сборник. М., 1959; 1812 год. К 150-летию Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962; Федосова Е. И. Польский вопрос во внешней политике Франции 1807—1812 гг. М., 1980; Exner Moritz. Der Anteil der königlich sächsischen Armee am Feldzuge gegen Russland 1812. Leipzig, 1896; Prokesch-Osten A. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Feldmarschalls Fürsten Schwarzenberg. Wien, 1861.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Киевское стратегическое направление в планах сторон. Подготовка к войне	5
§ 1. Украина в политических и военно-стратегических планах Наполеона	5
§ 2. Внешнеполитические акции русского правительства по обеспечению безопасности юго-западных границ России	13
§ 3. Подготовка к войне на территории Юго-Западного края	21
Глава II. Военные действия в Киевском направлении в первый период войны	26
§ 1. Особенности начала войны на Юго-Западном театре. Кобринское сражение и его значение	26
§ 2. Провал попытка Наполеона овладеть Киевом	33
§ 3. Патриотическое движение на Украине. Формирование ополчений	43
Глава III. Начало контрнаступления русских войск на левом фланге и его особенности	50
§ 1. Войска левофланговой группировки в стратегических планах русского командования на второй период войны	50
§ 2. Первый период контрнаступления 3-й и Дунайской армий. Действия рейдов отрядов	58
§ 3. Стратегический план Наполеона на осень 1812 г. и его крах	65
Глава IV. Участие войск левофланговой группировки в разгроме наполеоновской армии	72
§ 1. З-я армия в боях за освобождение Белоруссии и Литвы	72
§ 2. Могилевская операция	80
§ 3. Украинские казаки в партизанских рейдовых отрядах	84
§ 4. Заключительный этап войны на Юго-Западном театре	91
§ 5. Роль Украины в снабжении русских войск в 1812 г.	96
Заключение	99
Библиография	101

Сводный темплан Минпроса РСФСР
1987, поз. 31

Борис Сергеевич Абалихин
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА
НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Тех. редактор Е. А. Бусыгина. Корректор К. М. Соцкова.
Сдано в набор 02.03.87. Подписано в печать 29.07.87. НМ 02631.
Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 5,5. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 500.
Заказ 86. Цена 35 коп.

Волгоградский педагогический институт, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27
Типография издательства «Волгоградская правда»
Волгоград, Привокзальная площадь.

35 коп.